

Томъ XXII (годъ 11-й). 50 номеровъ въ годъ. № 54. Выходитъ по четвергамъ. 29-го августа 1868 г

ГОДОВАЯ ЦЕНА съ доставкою въ ПЕТЕРБУРГЪ 7 РУБ., съ ПЕРЕСЫЛКОЮ во ВСѢ ГОРОДА 8 РУБ., на ПОЛГОДА 5 РУБ.

Отдѣльные номера газеты продаются въ конторѣ по 15 к.; съ пересылкою въ и кониспектору по 20 в.

Письма и посылки адресуются въ редакцію «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Золотову, Литейная, № 38-й.

СОДЕРЖАНИЕ: Д. И. Писаревъ. — Внутреннее обожрѣніе. — Городъ Ницца. — Часовая въ Ниццѣ. — Политика. — Дѣльская дорога черезъ горы Чейсъ. — Стихотвореніе. — Арлеонъ. — Петръ Стальмахъ. — Китайскія любови. — Солнечная и лунная лѣтнія по народнымъ преданіямъ. — Замокъ въ Толвицѣ. — Китайскіе талеманы. — Озеро Тай въ Китаѣ. — Корреспонденція «Иллюстрированной Газеты»: изъ Пармѣ, изъ Меневъскаго. — Искра толки. — Гривыя лѣтнія. — Некрологъ. — Ответы редакціи. — Объявленія.

РИСУНКИ: Д. И. Писаревъ. — Городъ Ницца. — Часовая въ цвѣтѣ Писарева Николая Александровича. — Видъ на горы Чейсъ. — Горы Ницца. — Петръ Стальмахъ. — Замокъ въ Толвицѣ. — Китайскіе талеманы. — Озеро Тай въ Китаѣ. — Китайскіе талеманы. — Карикатура.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

Братья писателя, въ вашей сулѣ
Что-то лежитъ ровное.
Негровосъ.

Русская литература и критика понесли недавно весьма важную потерю въ лицѣ молодого, но уже шестнаго писателя Дмитрія Ивановича Писарева. Онъ умеръ, купавъ въ подолжескомъ вѣдѣнн Карлсбадѣ, близъ Гити, умеръ въ полномъ развѣтн своего таланта. Предъ только что насаниакой могилой Писарева ми нестанемъ входить въ разбѣор его литературной дѣятельности, а ограничимся короткимъ биографическимъ очеркомъ. Скажемъ только, что отъ начала до конца своей дѣятельности, Писаревъ оставался всегда вѣрнъ себѣ: былъ и у него увеличеніе и важная ошибка, но и тѣ и другія простекли изъ того же честнаго чувства, одушевляющаго его.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ родился въ 1839 году и однимъ изъ первыхъ окончилъ курсъ въ 3-ей петербургской гимназіи. Въ 1856 г. онъ поступилъ на филологическій факультетъ петербургскаго университета и съ стипендіи поръ начался въ немъ дѣятельная умственная работа, принесшая впоследствии такіе результаты. Въ 3-мъ курсѣ онъ выступилъ на литературное поприще, принявъ участіе въ издаваемомъ Круминскимъ журналѣ «Разсвѣтъ» и въ тогда критическіе статьи его обратили на себя вниманіе читающей публики. Въ 1860 г. Писаревъ окончилъ курсъ и въ университетѣ, кандидатомъ, получивъ медаль за дисертацию «Аполлопій Ганскій и его время». Съ стипендіи поръ онъ нескѣло посвящалъ себя литературной дѣятельности и печаталъ свои статьи, какъ критическія, такъ и по разнымъ социальнымъ вопросамъ, въ журналѣ «Русское Слово». Тамъ, между прочимъ, пожелалъ онъ свою статью «Наша университетская наука, надѣланную много шума и въ которой онъ описываетъ и разбираетъ систему университетскаго преподаванія, сдѣлать узавна на всѣхъ ея слѣдахъ сторованія. Въступительная молодого писателя багаторечивая и публичная раздѣлилась на два лагеря: одинъ безудовольно навалился на всю его дѣятельность, другіе защищали даже его исключительныя выходы. Это одно это доказываетъ, что талантъ его несомнѣненъ. Съ пре-

грашеіемъ «Русскаго Слова» Писаревъ перешелъ въ «Отечественныя Записки» и помѣщать въ нихъ статьи, не подписывая, впрочемъ, своего имени. Въ, вѣроятно, искренно показывать о его ранней, грустной кончинѣ.

Истъ наши лучшія періодическія изданія сказали рѣзкою толкѣхъ, сочувственныхъ словъ о Писаревѣ. П. Полевой помѣстивъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» работниахъ воспоминаній объ университетской жизни покойнаго критика. Тамъ же въстрѣнимъ фелетонистъ высказалъ много вѣрныхъ и дѣльных замѣчаній о значеніи Дмитрія Ивановича. Приводимъ главныя изъ нихъ, дополнивъ некрологъ равно погубившихъ писателей нѣсколькими замѣтками.

«И того мнѣнія, что силы Писарева были надорваны чрезмѣрнымъ трудомъ. Онъ началъ свою дѣятельность слишкомъ рано, когда нервная система его недостаточно окрепла, когда умственная сила его бродила еще, пугалась въ здоровой, переобработкой уже интѣ, когда воли и воздуху нужно было для этого нѣжнаго организма.

Д. И. Писаревъ.

Важнй редакторъ знаетъ, что если есть подругую даровитый человекъ, котораго публикѣ любить и на статьи котораго бросается съ жадностью, то было бы недурно, еслибы этотъ человекъ наполнилъ дѣловую книгу своими статьями. Такой человекъ чувствуетъ органическую потребность писать — надо удовлетворить ей, надо даже возбуждать ее то что бы то ни стало, въ особенности, если обстоятельства таковы сложились, что честнѣйшую эту работу бросить, кромѣ извѣстнаго журнала, какъ нудна было броститься Вѣднскому до основанія «Современника».

Результатъ неустанной дѣятельности Писарева вышелеъ такой: Писаревъ былъ талантливѣмъ популяризаторомъ, который не изборѣлъ ничего полого, не свазалъ ничего своего, но распространялъ много новыхъ идей, изобразившихъ и созданныхъ европейскими гениемъ. Между тѣмъ, при другой обстановкѣ Писаревъ, какъ натура богато-одаренная, способенъ былъ создать и свое собственное. И, до грѣшной мѣрѣ, никогда въ этомъ не попольо себѣ уюмилса и всегда стая утверждалъ, что силы Писарева были надорваны каторжной журнальной работой и извѣнными обстоятелствами.

«Лучшая и болѣешая часть литературной дѣятельности Писарева совершилась въ заключеніи, говорить «Дѣло», прибавляя къ этому, что Писаревъ въ прѣвности былъ совершенно обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи на казенныя стѣни. Но, проработавъ нѣсколько лѣтъ на «Русское Слово», Писаревъ, вѣдѣль изъ прѣвности талантъ же бѣднѣею, какинъ-то вошелъ въ насъ. Больше чѣмъ когда-нибудь требовалось для него въ это время воли и отдыха, а отъ слова принужденъ былъ сѣсть за журнальную работу. Въ послѣднихъ статьяхъ его, напечатанныхъ въ «Дѣлѣ», сказывалось сильное утомленіе, прѣвній блѣсъ исчезалъ изъ нихъ мало по малу, и такая композиція, какъ «Итальянскіе народы», стоить ниже работъ его, еще студентскаго труда еще Аполлопій Писанковъ. Въступительнй Писаревъ, порешивъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», Нинѣшнимъ лѣтомъ доктора ему содѣлывали гнатьса въ морѣ: организмъ его былъ, очевидно потрясенъ и нуждался въ отдыхѣ и покойѣ. 5-го июля онъ вышелъ гуляться въ море, какъ и всегда. Неделю

право голоса предоставляется новому владельцу акций не прежде, как по прошествии трех месяцев со дня отмены этой передачи их вращении.

Приворог общего собрания (кроме избрания директоров) полагается обязательною для тех, когда придется брать участие в деловых или иных делах в собрании акционеров, считая голоса по числу акций.

Отсутствующий акционер, имеющий право голоса, может, прислав акцию свои во вращение, предоставить право голоса одному из акционеров, имеющему собственное право голоса; но одно лицо не может иметь доверенности больше, как от двух отсутствующих акционеров. Не явившиеся на общее собрание акционеры, почтаются согласившимися на те меры, которая будут приняты большинством акционеров, бывших в собрании.

Срок существования общества не назначается, за исключением случаев, когда деятельность может послужить не иначе, как по приворогу общего собрания акционеров, имеющихся не менее трети капитала.

Представляем теперь главы данных о настоящем положении общества, изъ рвы председателя следующего директора правления А. П. Жандря, произнесенной на последнем годовом собрании. В этой же рвы мы найдем ответы на все обвинения, возводимые на общество.

«В навигацию 1867 года ирнуено за перевозку грузов и пассажиров и приобретено прибыли от работы Сиваского завода и % на свободный капитал 1,755,401 р. Идержано на Волгѣ, Камѣ и Каспійскомъ-морѣ 1,027,174 »

Осталось за навигационными и административными расходами. 728,227 р.

На остаток капитала. 16,2% Изъ которыз на покрытие потери чистоты судов и имущества причитается на устану 268,888 »

И затѣм чистая прибыль составила. 459,339 р.

Изъ отчета за 1866 годъ видно, что въ течение 5-ти лѣтъ, съ 1862 по 1867 годъ, изъ валовой ирнуки по рѣчному дѣлу оставлено за навигационные, кроме погашения стоимости судов, расходами 1,615,640 руб., и въ тотъ же периодъ времени изъ валовой ирнуки по морскому дѣлу (считая въ ней и субсидію) за навигационными, кроме погашения, расходами и на отчисление ежегодно въ страховую капиталъ 5% со стоимости морскихъ судов, осталось почти тоже 1,615,119 руб. Свѣта обиды насъ не должно взыскивать расчеты рѣчного дѣла съ момента, изъ результаты оказавшие, что съ 1853 по 1867 морское дѣло зашло у рѣчного 242,082 руб., возвратило ему 122,777 р. и затѣмъ остается по долгу у рѣчного на 119,305. Распределение прибыли 1867 г. показываетъ, что изъ 7% дивиденда за минувшій годъ мы получаемъ: на долю акций, принадлежащую рѣчному дѣлу 8 1/2 %, а на другую половину акций, представляющую морское дѣло 3 1/2 %. Какія даннаго метода неосимѣя доказатъ необходимость правительственнаго пособия для народнаго предпріятія на Каспійскомъ-морѣ?

Чистая прибыль 1867 г. 1,184,900 р. 93 к. Исключая изъ нее субсидію. 1,947,003 » 98 к.

Въ результатѣ было бы. 762,192 » 5 к.

Брошюра говоритъ, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто малочисленность перевозимыхъ по Каспійскому-морю товаровъ, недоуказывая повысить фрахта на нихъ, есть одна изъ причинъ невозможности существования пародства на Каспій не безъ правительственныхъ пособій; что конкуренція этимъ товарамъ со стороны привозныхъ и произведеній другихъ мѣстностей Россіи — есть чистая фантазія, и что для убѣжденія въ выгодности каспійскихъ фрахтовъ, достаточно взять средній цѣны фрахта на перевозку товаровъ изъ Петербурга въ Англію и сравнить ихъ съ цѣнами Каспійскаго-моря.

Общество не выражало своего мнѣнія о малочисленности товаровъ, а представляло правительству статистическія даннаія астраханской таможи, изъ которызъ видно, что изъ общей массы грузов на Каспій перевозено въ 1866 году: тѣлу основанаго 25% кожаннаго провианта 23%, желѣза 5%, корня марены 6%, сушеныхъ фруктовъ 8%, вина калярскаго 6 1/2 %, пересыпаннаго хлопна 6 1/2 %, кирпичу, смолы, фотонфали, спирту до 6%, а

Но, между тѣмъ, нашлись лица, которымъ нужно утверждать, что субсидія для нашего морского дѣла вовсе не необходима. Они представляли министру финансовъ записку, въ которой, изложивъ факты и цифры, не по собственному усмотрѣнію цифры, заявляя, что записки по вопросу о существованіи каспійскаго пародства общества, представленнаго правительству, основана на ложныхъ данныхъ, и повторяютъ еще два раза поданные ими правительственнымъ лицамъ доносъ о томъ, что общество, будто бы, не имѣетъ полного обязательнаго числа морскихъ судовъ, что суда эти не удовлетворяютъ условіямъ устава, и что часть морскихъ судовъ общества работает на Волгѣ, а расходы ихъ относятся по отчетамъ на морское дѣло и т. под. Въ заключеніе предлагается правительству къ усмотрѣнію его паролка суда и отдать ихъ въ аренду, или поручитъ желающимъ закладывать за счетъ правительства новыя паролка морскихъ суда, которые и отдать въ аренду, какъ вѣнучую собственность. Не удовлетворившись представленіемъ этой записки официально, авторы напечатали ее въ прибавленіи къ № 16-му газетѣ «Вѣстникъ» и особю брошюрою, подъ заглавіемъ: «Рѣчьне дѣла».

Мы не станемъ утомлять вниманіе опроверженіемъ всѣхъ невѣрностей, замѣченныхъ въ брошюрѣ. Затрудняемся даже выборомъ наиболее несообразнаго выводовъ, потому что все, отъ доски до доски, предстаетъ предъ глазами несообразнаго. Но даже и по обязанности доказать фактически несостоятельность этой брошюры, ограничимся указаніемъ нѣсколькихъ примѣровъ искаженія фактовъ и произвольнаго измѣненія цифръ и противорѣчій, достаточныхъ, по нашему мнѣнію, для вѣрнаго заключенія, что она не заслуживаетъ вниманія.

«Лучшимъ примѣромъ того, что при благоразумномъ веденіи дѣла субсидія неумяна не только въ рѣчномъ, но и въ морскомъ дѣлѣ, можетъ служить — говорятъ рѣчные дѣлатели — русское общество пародства и торговли». Не дабы, не имѣло бы дѣла, дабы не было бы шести, несмотря на значительныя правительственныя пособия, были весьма незавидны, результаты коммерческой деятельности его были плохи, дивидендъ акций, его на биржѣ постоянно падала, и въ то же время, по прошествіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, благотворными распоряженіями новой администраціи общества, оно доведено до того, что стало, можно сказать, во главѣ всѣхъ коммерческихъ предпріятій Россіи. Не пособия правительства помогли ему въ этомъ, потому что пособия эти были и прежде, притомъ, въ большихъ размѣрахъ, а просто разумное, правильное и основательное веденіе дѣла.

Конечно, всѣ знающіе дѣлватели русскаго общества подтвердятъ, что дѣло это велется разумно, правильно и основательно. Но примѣръ его и доказываетъ, что, несмотря на искусство веденіе дѣла, почтовое морское пародство не можетъ существовать безъ субсидіи, потому что результаты дѣлвательсваго общества пародства и торговли за послѣдніе четыре года представляются въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1867 г.	1864 г.	1863 г.	1862 г.
Чистая прибыль	1,184,900 р. 93 к.	2,392,375 р. 66 к.	1,955,826 р. 94 к.	1,783,803 р. 16 к.
Исключая изъ нее субсидію.	1,947,003 » 98 к.	1,945,527 » 57 к.	1,846,903 » 63 к.	1,946,966 » 62 к.

	1867 г.	1864 г.	1863 г.	1862 г.
Въ результатѣ было бы.	762,192 » 5 к.	146,437 » 9 к.	89,920 р. 31 к.	163,163 » 46 к.

всѣхъ товаровъ малочисленныхъ или громаднзыхъ, фрахта за которые достаточный для наружныхъ судовъ, не можетъ покрыть расходовъ парового судна до 88%, и, затѣмъ товаровъ, которые могутъ выдерживать фрахтъ морского парового судна: мануфактурныхъ 20%, кожанальныхъ 1%, бакалейныхъ 1 1/2 %, кожаныхъ и шелковыхъ издѣлій 1%, шолку, пухнаго товара и шерсти 0,30%, стекла, фарфору, събитныхъ припасовъ и разнаго товара 5,2%, а всего до 12%. Противъ этого факта, изложено бы, спорить нельзя, какъ нельзя спорить и противъ того, что при возмѣщеніи фрахта на хлопнокъ въ Каспій, американскій хлопнокъ вытѣснитъ персидскій: въ 1867 году въ Москвѣ, вслѣдствіе привозаамериканскаго хлопна, дѣла на персидскій упала на половину дѣлвательной стоимости его при покупкѣ на мѣстѣ. Выгодность или невыгодность фрахтовъ опредѣляется не теоретическими разсужденіями, а результатами операций. Если при правильномъ веденіи дѣла фрахта не даетъ прибыли, то оны мѣтъ, что бы ни говорили. Въ Лондонѣ толиво второе де-

шное, чѣмъ въ Астрахань, а въ Петербургѣ второе дешевле, чѣмъ въ Персін: какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Петербургѣ суда пригуживаются и нагружаются въ Иранѣ, ошвартовываются у набережной посредствомъ механическихъ приспособленій; въ персидскихъ портахъ нагрузка и выгрузка производится на небольшихъ докахъ (киркахъ) только въ тихую погоду и потому паровое судно, перебравшее море въ четверо сутокъ, часто выжидаетъ благоприятной для выгрузки и нагрузки погоды больше недѣли, а въ Астрахань морскія суда и вовсе подходить не могутъ, и должны принимать и выгружать товаръ въ отгнанныхъ моряхъ, за 140 верстъ отъ порта. Вслѣдствіе поврежденія машинъ или корпуса судна на пути между Лондономъ и Петербургомъ, они могутъ быть немедленно испаркены въ ближайшемъ портѣ; при поврежденіи же корпуса судна въ Каспійскомъ-морю, ему остается одно: разрушиться, снѣть же ханшанъ, и съ помощью подводныхъ ботовъ гнаться по розмыслимъ рѣки Волги въ Астрахань, теряя на это иногда два мѣсяца на самое рабочее время. Все это показываетъ, что хотя разстояніе между Лондономъ и Петербургомъ (1,407 миль) слишкомъ вдвое больше прямого разстоянія между Астраханью и Астрабадомъ (673 миль), но тѣмъ не менѣе паровое судно, плавающее между Лондономъ и Петербургомъ, можетъ, собирая время простоя, сделать гораздо больше работы, нежели въ навигацию можетъ сделать паровое, плавающее въ Каспійскомъ-морю; а какъ при больномъ числѣ рейсовъ упадетъ на каждый рейсъ меньшая сумма общихъ расходовъ (погашенія стоимости, страхования, администраціи, дивиденда) и толиво въ Лондонѣ и Петербургѣ второе дешевле, чѣмъ въ Каспій, то очевидно, что стоимость каждаго рейса между Лондономъ и Петербургомъ должна быть гораздо дешевле стоимости рейса между Астраханью и Астрабадомъ, а слѣдовательно, и фрахтъ между Лондономъ и Петербургомъ долженъ быть дешевле. Такииъ образомъ, сравненіе нѣтъ между Петербургомъ и Англією съ Каспійскимъ-моремъ, какъ и между Лондономъ и Астраханью, и между торговлей, доказываетъ совершенно противное тому, что хотѣла доказать брошюра.

Правительство извѣстно, что всѣ субсидіи, полученная обществомъ въ 1863—1866 годахъ, употреблена на учрощеніе морского дѣла въ будущемъ и на возобновленіе морскихъ судовъ. Слѣдовательно, съвѣту употребитъ субсидію для ликвидаци дѣла, рѣчные дѣлатели, сами того не подозревая, съвѣтуютъ прекратить затраты для поддержанія дѣла на долгіи сроки, то-есть, то самое, за что они презираютъ общество въ недобросовѣстности. Мы скажемъ еще, что лица, называвшія себя рѣчными дѣлателями, и представлявшіе въ 1867 году правительству дѣл записки, заключающія въ себѣ доносъ о несправномъ, будто бы, выполненіи обществомъ «Каспаяъ и Меркурія» обязательствъ его предъ правительствомъ. Въ запискѣ, представленной нѣтъ г. министру финансовъ, и въ разрабатаной нами брошюрѣ, рѣчные дѣлатели повторяютъ свои извѣстия въ томъ: 1) что общество обтало въ 15 паролковъ, годныхъ для военныхъ надобностей, а ихъ количество, ихъ качество суднаго его не соответствовали условіямъ устава. Эти извѣстия опровергаются положительными цифрами и фактами, приведенными г. Жандря.

Въ началѣ записки, приведенной г. Жандря, на Каспійскомъ-морю молится дѣлвателямъ, что бы они, рѣчные дѣлатели приводить существовавшее тамъ частное пародное дѣло (Вильямъ Платонъ и К°), которое, работая 18 мѣсяцевъ безъ поддержки правительства, нѣ только не пришло въ заключенію о необходимости ликвидаци, но имѣетъ даже положительное намѣреніе расширить кругъ своей деятельности, если денежныя выданы обществомъ «Каспаяъ и Меркурія» будутъ прекращены; въ концѣ же записки, желая доказатъ невозможность разсужденій судопроисавленности при субсидіи, оно говоритъ, что нынѣ пародное дѣло конюверовать съ обществомъ «Каспаяъ и Меркурія» не можетъ. Что было бы, если бы общество Вильямъ Платонъ и К°, необязанно содержатъ для надобностей правительства 15 паролковъ судовъ и исполнять почтовое движеніе между портами Каспія, имѣть прибыль, то значить капиталъ общества «Каспаяъ и Меркурія» не имѣетъ развитію пароднаго дѣла; если же, напротивъ, товарищество на опытъ убѣдилось въ невыгодности дѣлватія паролками судами на Каспій, и это заставляетъ его такъ усиленно хлопотать о разореніи общества, въ надеждѣ, что

ликвидации своего морского дѣла оно открыло ему путь выйти из затрудненія соединеніемъ товарищества съ обществомъ «Лебедь», то этотъ результатъ свидѣлствовать, что паровыя средства общества «Кавказъ и Меркурій», созданныя вдругъ, но желанію правительствъ, въ широкихъ размѣрахъ, представляютъ въ настоящее время потребности края въ паровыхъ перевозочныхъ средствахъ.

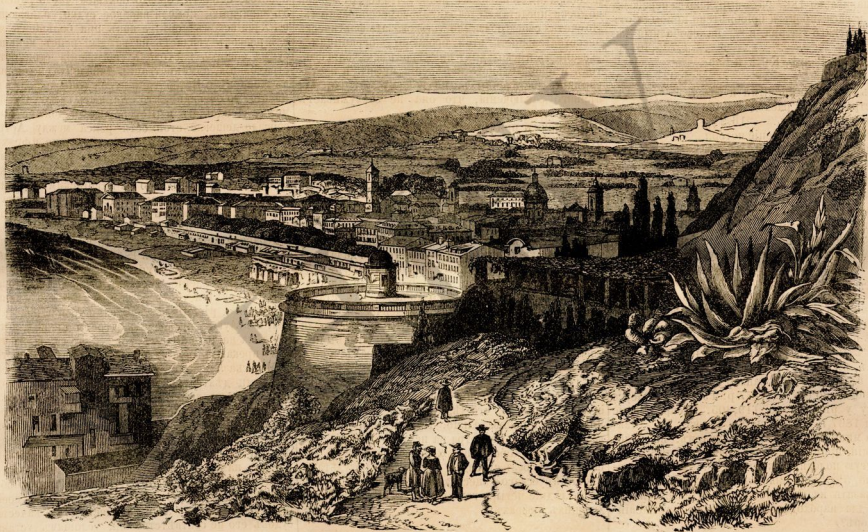
Не отбрасывая еще отъ своего заблужденія, что общество умилостиво поживаетъ фрахтъ для подавленія конкуренціи, рѣшше дѣтели заявляютъ, что и парусное судоходство находится подъ сильнѣйшимъ гнетомъ правительственныхъ пособій обществу, забывая, что въ общаго количества грузовъ, слѣдующихъ по Каспійу, частію парусныя суда перевозятъ теперь $\frac{2}{3}$, а суда общества $\frac{1}{3}$, и потому гнетъ можетъ быть только со стороны парусныхъ судовъ, такъ какъ на ихъ сторонѣ сила. Да и въ чемъ можетъ выразиться этотъ гнетъ общества? Не въ пониженіи ли фрахтовъ? Но этого паруснымъ судамъ боится нечего до тѣхъ поръ, пока мелководная россійская берега Волги не замѣнятся широкимъ фарватеромъ въ 10 фут. глу-

бои, и предложеніи нѣмъ вмѣстѣ съ рѣчью о положеніи дѣла и отбитомъ на общинительную противъ насъ статью г. Строковского. Но не все акціонеры пожелали имѣть эти таблицы, не все рассмотрѣли ихъ внимательно. По рассмотрѣніи отчетовъ правленія за 1867 годъ и бюджетовъ на 1868 годъ, оказалось, что по отчетамъ противъ суммъ, ассигнованныхъ общимъ собраніемъ на расходы 1867 г., сдѣлано сбереженія на 40,819 р. 32 коп., что при поправкѣ кассы, въ ней оказалось 623,642 руб. 60 коп., т. е. та самая сумма, какаа значится по вѣдомкамъ правленія, общее собраніе утвердило распределеніе чистой прибыли въ томъ видѣ, какъ она распределена въ отчетѣ, съ выдачею въ дивидендъ $\frac{7}{8}$ съ капитала или на 17 $\frac{1}{2}$ руб. на акцію. Ассигновано на расходы 1868 года, по рѣчному дѣлу 589,404 руб. 50 коп., по морскому дѣлу 517,458 руб. 59 коп. и на возобновленіе имущества 241,446 руб. 16 коп. Нѣсколько лѣтъ назадъ общество «Кавказъ и Меркурій» было въ самомъ печальномъ положеніи, акція его была въ страшномъ упадкѣ, дѣла въ безпорядкѣ ревообразимомъ. По смѣнѣ членовъ прав-

ленія и выборѣ новыхъ директоровъ, въ главѣ которыхъ всталъ до сихъ поръ предѣлительствующій директоръ А. П. Жадръ, дѣла общества начала быстро поправляться, улучшаться, и теперь, сравнительно съ другими паровыми компаниями, оно достигло цвѣтущаго положенія, побѣдивъ всѣ препятствія, опровергнувъ всѣ подвиги противъ него завистли и обманши. Число, что вслѣдъ этимъ оно обязано своему правленію и въ особенности предѣлительствующему директору, и пока онъ будетъ управлять дѣлами общества, всѣ будутъ удивляться его процвѣтанію, потому что и въ акционерной администраціи, какъ и во всякой другой, все зависитъ отъ лицъ, а не отъ уставовъ и постановленій, которыя ловкіе челоувѣкы всегда могутъ у насъ обойти, а смѣлыми нарушить.

Городъ Ницца.

Ницца не заромъ считается землемъ раскъ, каинатъ котораго величественъ всѣ болѣзнь, влоти бычому вѣснѣмъ сгекаетъс тутъ со всѣхъ сторонъ, и подъ безоблачнымъ небомъ дыша теплымъ воз-

Городъ Ницца.

бннво, пока открытые берега Персіи не приспособлять модами и подъ зацпою ихъ не образуются удобная гавань, снабженная усовершенствованными механическими приспособленіями для нагрузки и выгрузки.

Во учрежденіи общества, на Каспійскомъ-морѣ, введоженіи длиннаго періода времени, плавали одни каботажныя суда, столь дурной конструкціи, что правительстве, не рѣшаясь доверить имъ комисаріатскихъ грузовъ, послѣало ихъ судамъ путемъ. По визумъ и съ содѣйствіемъ правительствъ, общество «Кавказъ и Меркурій» учредило правленіе паровыхъ сообщеній; тогдашнъ оживился и по мѣрѣ увеличенія срочныхъ паровыхъ рейсовъ, стала перенять болѣе и болѣе грузовъ.

Брошюры рѣчныхъ дѣтелей прислана нѣкоторымъ акціонерамъ по городской почтѣ. По повелю и этой брошюры, или вслѣдствіе другихъ соображеній, между нѣкоторыми акціонерамъ пропелся слухъ о томъ, что расходы общества громады. Когда этотъ слухъ дошелъ до нашего свѣдѣнія, мы были крайне огорчены; убѣдившись изъ этого факта, что готовность, съ какою мы старались оз-

ровъ и предложеніи нѣмъ вмѣстѣ съ рѣчью о положеніи дѣла и отбитомъ на общинительную противъ насъ статью г. Строковского. Но не все акціонеры пожелали имѣть эти таблицы, не все рассмотрѣли ихъ внимательно.

По рассмотрѣніи отчетовъ правленія за 1867 годъ и бюджетовъ на 1868 годъ, оказалось, что по отчетамъ противъ суммъ, ассигнованныхъ общимъ собраніемъ на расходы 1867 г., сдѣлано сбереженія на 40,819 р. 32 коп., что при поправкѣ кассы, въ ней оказалось 623,642 руб. 60 коп., т. е. та самая сумма, какаа значится по вѣдомкамъ правленія, общее собраніе утвердило распределеніе чистой прибыли въ томъ видѣ, какъ она распределена въ отчетѣ, съ выдачею въ дивидендъ $\frac{7}{8}$ съ капитала или на 17 $\frac{1}{2}$ руб. на акцію. Ассигновано на расходы 1868 года, по рѣчному дѣлу 589,404 руб. 50 коп., по морскому дѣлу 517,458 руб. 59 коп. и на возобновленіе имущества 241,446 руб. 16 коп.

Нѣсколько лѣтъ назадъ общество «Кавказъ и Меркурій» было въ самомъ печальномъ положеніи, акція его была въ страшномъ упадкѣ, дѣла въ безпорядкѣ ревообразимомъ. По смѣнѣ членовъ прав-

дучомъ и заплахомъ апельсинныхъ деревьевъ, чувствованіе облегченіе. Ницца въ Ниццѣ не отлхаетъ, не знаетъ зимы, растительность возобновляется, и если иногда сдѣлается холодно и въ воздухѣ покажутся снѣжинки, то онѣ таатъ прежде, чѣмъ упадутъ на землю, и на рѣкѣ Пальонъ иногда еще не виданъ лду. За то раза три въ годъ бываютъ грозы, которыя рѣдко проходятъ, не произведя какихъ-нибудь бѣдъ. Чорныя тучи собираются надъ вершинами горъ, изъ всѣхъ ущелій выбываютъ страшные вѣтры и валиваютъ волны моря, ломаютъ столбѣныя деревья, раскалываютъ стѣны, въ то время, какъ раскаты грома гремѣтъ, оглушительно, илнень летятъ потокомъ и пробиваютъ крыши, градь уничтожаетъ сады и растенія. Волны выхолотъ на берегъ, тноса съ собою все, что попадется, подмиываютъ дорогу, портятъ рельсы; но вся эта суматоха бываетъ непродолжительна и случается обыкновенно ночью, а въ утро, яркое солнце снова выплываетъ на синее небо, голубое море блеститъ, какъ зеркало, и еслибы не слѣды проказъ члвочево (какъ здѣсь называется эти грозы), можно бы подумать, что ничего не было

и что природа не выходила из своего спокойствия.

Ниндэ лежит на самом берегу Средиземноморья и со всех сторон защищена холмами и горами. Съ моря она представляет красивый амфи-театр, потонувших в яркой зелени. Рѣка Пальонъ, раздѣляющая городъ на старый и новый, большую часть года высыхаетъ и разводитъ страшное количество комаровъ, такъ что состав-ленъ проектъ покрывать ее сводомъ; но послѣ дождя и грозъ въ Альпахъ, она наполняется водою и течетъ такъ быстро, что никакіе своды не удержи-вать. Когда Ниндэ принадлежала Италиі, это былъ ютъ красивый, но грязный городъ, въ которомъ благоуханіе цвѣтовъ заглушалось часто вонью отъ гниющихъ нечистотъ. Но уличная не было проѣзда, на площадяхъ были притѣны андехъ. Французское правительство ввело точнѣе поряд-къ, вычистило и прибрало все городъ, заста-вилъ жителей быть опрятнѣе, только направило оно уличноточно стары итальянскія названія улицъ и площадей, къ которымъ такъ привыкъ народъ. Впрочемъ, она самъ захотѣлъ присоединиться къ

сандронича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пред-претенная смерть сраза молодого человѣка, едва начавшаго жить, но которого ждалъ величайшій престоль въ мѣрѣ.

Часовня построена по плану архитектора Грона, живопись поручена была профессору Нефру, скульптурная работа исполнитъ Ботта; какъ снаружи, такъ и внутри этотъ мавзолей отдѣланъ великолепно. Нетолько русскіе, но и жители Ниндэ не могутъ безъ сожалѣнія вспомнить о мо-лодомъ больномъ, который не могъ поправиться даже въ этомъ благоуханномъ климатѣ и смерть котораго поразила всѣхъ, какъ жестокой, неожиданной ударъ, какъ урокъ судьбы земному величю.

День открытія часовни отрадною былъ величю и торжественности православной служ-бы пронизана на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Братъ покойника, великій князь Наслѣдникъ Александръ Александровичъ прибылъ для этого изъ Петербурга, сопровождаемый небольшою свитою; всѣ русскіе аристократы, живущіе въ Ниндѣ, собрались въ этотъ день въ велич, ввншенной

Тернова. Болгарскій отрядъ, подъ предводитель-ствомъ Стеана Каджи, изъ 90 человѣкъ, другой, подъ предводительствомъ Дмитрія Славенска, изъ 120 человѣкъ, отправлены въ Габрово и отуда въ Кезанлилъ. 9-го іюля первый изъ этихъ отря-довъ былъ застигнутъ, между Терновымъ и Ар-новымъ, регулярными и прегулярными турецкими войсками, и на Царской-Ливадѣ произошла *третья* битва. Турки потеряли до 300 человѣкъ в от-ступилъ. Болгары, какъ побѣдители, ишли народ-ными вѣсами и отправились къ Балкану. *Четвертая* стычка послѣдовала близъ Шипчанскаго-лѣса, въ Балванхъ, между турками и другимъ болгарскимъ отрядомъ. Регулярное и ирегулярное турецкое вой-ско напало на болгаръ, скрывшихся въ лѣсу. По-теря турокъ была 920 человѣкъ. *Пятая* стычка случилась въ ущельи забровскихъ Балканъ. Стѣна была весьма упорная. 7 болгаръ было вло въ лѣвъ. Сколько побито турокъ—неизвестно, но много раненыхъ отправлено въ Габрово. *Шестая* стычка случилась между Никополемъ и Ловчемъ, гдѣ повалась шайка изъ 500 человѣкъ, сформиро-ванная еще прошлаго года. Въ этой стычкѣ

Освященіе часовни въ Ниндѣ, въ память Цесаревича Николая Александровича.

великой нации и долженъ забыть свою прежею вѣрность.

Въ старой части города улицы узки, темны и иногда идутъ въ гору, иногда спускаются подъ своды верхней улицы; въ новой части великолѣп-ные дома, широкіе тротуары, бульвары, роскош-ные виллы. Въ Ниндѣ, какъ и во всѣхъ итальян-скихъ городкахъ, есть Корсо, любимое гулянье жи-телей, но, кромѣ того, англичане, живущіе тутъ, устроили, на свой счетъ, по берегу моря пресво-ходный бульваръ, который и называется англій-скою прогулкою. Тутъ сходится всѣ иностранцы и соперничать въ роскоши народомъ и знешней. Вообще жизнь въ Ниндѣ очень дорoga.

Часовня въ Ниндѣ.

Въ цѣлтуей виллѣ, посреди анельсиничихъ де-реьевъ и пальмъ, гдѣ былъ недавно небольшо-гомихъ, возмашается оригинальное зданіе, въ и-талійскомъ стилѣ, съ однимъ большымъ купо-ломъ и нѣсколькими маленькими. Это часовня, построенная въ память Цесаревича Николая Але-

русскимъ правительствомъ; русскіе посланники во Франціи и Бельгійи прибыли на пароходе, про-гулку докъ иностранцахъ. Что же должны были чувствовать близкіе и тѣ, которые знали покой-ника и возлагали на него столько бластельныхъ, несуществующихъ надеждъ...

На освященіи было также войско, стоящее въ Ниндѣ, и бригада жандармовъ. Яркое южное сол-нце освѣщало живописную картину, которая долго не забудется тѣмъ, кто ее видѣлъ.

ПОЛИТИКА.

Славянскія земан. — Болгарская газета «Народ-ность», выходящая въ Бухарестѣ, публикуетъ по-дробный отчетъ о событіяхъ послѣдняго времени въ Болгаріи. По даннымъ этой газеты, происхо-дитъ сама стычка между турками и болгарскимъ повстанцами. Въ первой стычкѣ у Карансина, 7-го іюля, было убито и ранено 250 турокъ и 7 болгаръ. Въ второй стычкѣ, 8-го іюля, болгары напали на Ухридъ-бегъ, убили 100 турокъ и распустили его отрядъ; сами же отравились въ окрестности

болгары побѣдили и ушли въ Балканъ. По послѣ-днимъ изъ Руссе, *седьмая* стычка произошла между Терновымъ и Габровымъ, въ которой турки потеряли 600—700 человѣкъ. Влѣдствіе этихъ неу-дачныхъ операций, Митхад-паша призванъ ору-жить Терново, чтобы никто не могъ отуда выйти. Въ Терновѣ, Габровѣ, Свинтоѣ и въ Руссе мно-го домовъ обращено въ больницы. Путешествен-ники говорятъ, что въ Свинтоѣ отправлено боль-ше 20-ти и въ Руссе больше 30-ти повозокъ ране-ныхъ чересовъ.

Эти вѣстия могутъ отчасти служить объясне-ніемъ тому, почему Австрія запрещаетъ провозъ оружія въ Сербію, Венсію и въ Руминію, почему собирается близъ Гриванъ (Основа) малый австрій-скій лагерь. О болгарскихъ инсургентахъ пишутъ въ «Union Nationale» слѣдующее: «Официальныя и офинансе защитники нисовой Порты называ-ють *рабодниками* всѣхъ инсургентовъ, возмаша-ющихъ противъ владчества султана. Чтобы силь-нѣе подблѣивать на общественное мнѣніе Евро-пы, они не задумались заключить этотъ злиб-отомъ несчастныхъ болгарскихъ патріотовъ, нею-

душно взвизгнув за оружие. Вот так обошлось с несчастными чрезвычайный комиссар высокой Порты и один из высших сановников Турции, Митад-паша. Этот чрезвычайный комиссар Порты начал с того, что предать суду и казнить всѣхъ болгаръ, удавшихъ изъ шахи, почитавшихъ себя за ортодоксальныхъ Османов. Они признались арестованному и заключили въ тюрьму всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ сношенияхъ съ инсуррентами, и распространили строгости осядающего положена на всю страну. Въ дошедшихъ своихъ высокой Порты, онъ высказываетъ свои опасения касательно возможности новыхъ мятежныхъ пононго и находитъ, что ихъ можно предупредить только устремленіемъ. Все это вызываетъ сильнѣйшее раздраженіе въ странѣ и возмущаетъ старинную ненависть между христіанами и мусульманами. Послѣ пораженія инсуррентовъ, турецкіе солдаты убили и вырвали изъ кулеи одного болгарскаго священника, заподозрѣннаго въ участіи въ шахи, и варварскіе поступки этого остались, конечно, беззамечанными со стороны военныхъ властей.

Корреспондентъ вѣнской газеты «Presse» пишетъ почти то же самое: «Турки, безъ дальнихъ измѣнъ, умерщвляютъ всѣхъ попадавшихся имъ въ руки инсуррентовъ». Не слѣдуетъ забывать, что вѣнская газета «Presse» принадлежитъ къ числу самыхъ искреннихъ друзей Турціи, и никто не думаетъ, конечно, поддѣлывать ее въ преувѣщеніи, тѣмъ болѣе, что она видимо старается ослабить то, что можетъ возбудить варварскіе дѣянія турецкихъ властей. Она оправдываетъ ихъ даже, въ вѣстной мѣрѣ, находя, что новая система, усвоенная турками, все же лучше прежней, когда вѣнскихъ вѣдана для нихъ три дня спустя. «Мы, съ своей стороны — говоритъ «Opinion Nationale» — можемъ только возмущаться дѣяніями турецкихъ властей, и для характеристики ихъ находимъ одно только слово: *варварство*».

Около двухсотъ человекъ, участвовавшихъ въ шахахъ, убиты, казнены и разсыпаны. Все, что уцѣло отъ разгрома, скрывается въ дѣсахъ и уединеніи. Вѣнскимъ властямъ приписываютъ къ своему обычному сношенію съ турками, турками, въ которомъ они такъ часто обращались въ Болгаріи. Въ теченіи послѣдняго недѣли, въ Рущукѣ разстрѣляны, безъ всякаго суда, десять болгаръ; въ Терновѣ также разстрѣливаютъ несчастныхъ. Митад-паша былъ намѣренъ проинтервенту въ долины, въ которыхъ укрываются инсурренты, но на это у него не хватало рѣшимости. Мѣстная официальная газета «Тунав (Дунав) говоритъ о стачкѣ, происшедшей 21-го дня между турками и инсуррентами, но свѣдѣнія, сообщаемыя нами, не являются ни достоверными, ни слухами, по словамъ упомянутой газеты, при Гарлацкѣ и въ Шенградѣ, причѣмъ, командиръ батальона русскихъ запятъ вѣль въ числѣ первыхъ. Митад-паша обнародовалъ прокламацію, въ которой приглашаетъ христіанъ и мусульманъ жить въ согласіи и не вникать угрозамъ и обидѣмъ инсуррентовъ».

— Объ арестованномъ князѣ Карагеоргиевѣ сообщаютъ, что изъ трехъ просьбъ, обращенныхъ княземъ Петромъ Карагеоргиевичемъ къ венгерскому съѣздному суду, принята только одна, заключающаяся въ томъ, чтобы ему было дозволено ѣхать въ Венгрію съ женою, и въ томъ, чтобы это ему рѣшено, подгъ условіемъ, чтобы при этомъ свиданіи присутствовалъ съѣздный судья, и чтобы разговоры отца съ сыномъ ограничивались семейными дѣлами.

— О вѣнскихъ славянскихъ племенахъ въ газетѣ очень рѣдко говорятъ толки. Славянцы и краинцы, число которыхъ въ Штири, въ Краинѣ, въ Горницѣ и въ Сперія не больше 1,200,000 жителей, были въ вѣнскомъ рейхсратѣ представленны Томаномъ и Сейтномъ, которые дѣйствовали вмѣстѣ съ польскими депутатами въ новой сѣнаторской конституціи Пруссіи, вообще думаютъ, что славянцы очень довольны вѣнскими законами, провозглашенными на основаніи декабрьской конституціи. Но на самомъ дѣлѣ оказалось иное. Главные органы славянскихъ газетъ «Славенскій Народъ» и «Приморскій», горячо протестовали противъ всѣхъ уловокъ, выходившихъ изъ кабинета вѣнскихъ министровъ-адвокатовъ, но вѣнское правительство не обращало никакого вниманія на протесты. Опонія натурально образовались и здѣсь, вслѣдствіе несправедливости и многочисленныхъ притѣсненій славянскаго народа отъ

австрійскихъ чиновниковъ и губернаторовъ. Паша славянцевъ не признавалъ вѣнские губернаторы ни въ Градицѣ, ни въ Люблянѣ и въ Триестѣ, ни въ Горницѣ. Школы изъ были, съ одной стороны, обмѣнены, а съ другой стороны, обмѣняны, зрѣны, такъ что все приготовилось къ тому, чтобы вѣнскіе вѣнскіе славянцы, изъ первоначальной славянскій народности. Министръ чешскаго народа и опонія, которая устремлена такимъ серьезнымъ образомъ во всѣхъ земляхъ чешской короны, противъ сѣнаторской конституціи, возбудилъ у славянцевъ новую жажду. Нѣсколько славянскихъ патриотовъ созвали митингъ въ Лютмерѣ (Лутенбергъ), чтобы высказать свои желанія. 28-го июля, въ воскресенье, собралось тамъ до 7,000 человекъ изъ близкихъ и далекихъ окрестностей; сюда даже прибыли члены общества «Совѣтъ», изъ Люблян. Въ лютмерской «чигальнѣ» (заллѣ, для чтеца) былъ общественный общедѣ, куда большіе славянскіе знаменцы, при пѣніи въ хорѣ и музыкѣ. Спѣвицы, докторъ *Кисеичича*, привѣтствовалъ съ трибуны соборнаго народа и предложилъ выбрать доктора Разлага, какъ представителя митинга, на что народъ согласился единодушно. *Разлагъ* подробно говорилъ о всѣхъ претерѣнныхъ страданіяхъ славянскаго народа подъ игомъ Австріи, отъ прежнихъ временъ донынѣ, когда онъ долженъ былъ защищать права своего языка и своей народности. Речи Разлага и всѣхъ остальныхъ ораторовъ были приняты соборомъ съ громаднымъ «свѣно».

Предложеніе было рѣшено, и потомукъ потомъ началось пренія, послѣ чего предѣлатель соборнаго народа, причѣмъ приняты единодушно сѣнаторскія рѣшенія: «Славенскій народъ на первомъ митингѣ, въ Лютмерѣ, провозглашаетъ единогласно и единодушно, что основныя законы до тѣхъ поръ не могутъ гарантировать развитія славянскій народности, пока:

- 1) Не будетъ славенскій языкъ въ славенской территоріи исключительно введенъ въ училищахъ, и употребляемъ во всѣхъ публичныхъ дѣлахъ, и пока не будетъ чиновникамъ опредѣленъ особый (подлогъ), въ которомъ бы должны были входить членскія обязанности.
- 2) Не будетъ устроено въ славенскомъ языкѣ въ церковныхъ книгахъ и въ духовныхъ училищахъ, гдѣ до сихъ поръ господствуетъ вѣнскій языкъ.
- 3) «Пока не будутъ общестенныя училища совершенно славянскія и пока не будутъ учиться и въ среднихъ школахъ славенскому языку (вѣнскій языкъ остается только предметомъ).
- 4) «Пока не будутъ поддерживаться и основаны изъ земледельческаго фонда славенскія училища и школы, въ которыхъ, реальная и хозяйственная училища и проч.
- 5) «Пока не будутъ словенцы соединены въ одну территорію, подъ однимъ народнымъ управленіемъ».

Во время преній объ этихъ предметахъ господствовалъ полный порядокъ и народъ провозглашалъ громкое «свѣно» австрійскому комиссару, начальнику г. Глобичнику, и тросератное «свѣно», по его предложенію, австрійскому императору.

— Третья категория лицъ, компромитированныхъ въ заговорѣ на жизнь князя Михаила и до сихъ поръ содержащихся еще въ заключеніи въ застенкѣ, названа въ судѣ. Въ числѣ этихъ лицъ, серьезно компромитированныхъ въ заговорѣ, оказывается, по видимому, одинъ только бывший сенаторъ, Маностровичъ.

Комисія, назначенная опекунами воеводы князя Михаила для того, чтобы узнать, какое воспитаніе получилъ князь въ Парижѣ и для выработки программы его дальнѣйшихъ занятій, представила докладъ свой, въ которомъ предлагаетъ, чтобы на общее образованіе поручено было двумъ профессорамъ сербамъ, или говорящимъ но-сербскі, чтобы къ князю приставлено было лицо, извѣстное своимъ *славянскимъ произношеніемъ*, вслѣдствіе нравственности, начтвенными познаніями, въ порученіемъ строго наблюдать за неукомъ въ исполненіемъ предначертанной воспитательной программы и присутствовать при экзаменахъ князя, которые должны производиться каждые полгода. Кроме того, при князѣ долженъ находиться еще одинъ воспитатель, въ качествѣ гувернера, или помощника главногго наставника.

Франція. — Французское правительство не даромъ болтаетъ за будующіе выборы. Въ вѣнскихъ округахъ, въ 1863 году, оно имѣло больше мил-

ліона голосовъ на своей сторонѣ, а опонія только триста тысячъ; тогда какъ вслѣдствіи эти же избирательные округа дали правительству только 842,759 голосовъ, а опоніи 525,290. Изъ пятидесяти двухъ депутатовъ, избранные называли 30 оппозиционныхъ и 16 опоніонныхъ, то-есть, почти одного на три. Стало бы, правительство потеряло бы духъ тогда, когда бы голосовъ, а опонія пробрѣла вдвое больше, чѣмъ въ 1863 году. Этотъ урокъ, вѣроятно, пролетѣть даромъ для обслѣпленныхъ правителей. Юрскіе департаменты, избравшіи кандидата опонія Грета, замѣчательно еще тѣмъ, что въ высшемъ году уголовный судъ не имѣлъ въ немъ засѣданій, потому что въ департаментѣ не совершено ни одного преступленія. Стало бы, правительство не можетъ упрекнуть въ безразличности тѣхъ, кто избралъ революціонера въ свои представители. Надобно знать также, что въ Юрскомъ департаментѣ много первоначальныхъ школъ и мало безграмотныхъ. Официальная и полуофициальная печать не перестаетъ распускать множество ложныхъ слуховъ. Газета «Constitutionnel» вздумала обвинять, что Евгений скоро будетъ провозглашенъ регентомъ, потому что здоровье Луи-Наполеона очень слабо. Это было довольно, чтобы произвести волненіе. Началъ говорить, что Луи-Наполеонъ удаляется отъ дѣлъ, чтобы начать войну, или что покаяніе его здоровья безнадёжно. Въ странѣ, личной свободы, трудно узнать правду, и поневоѣ приходится вѣрять газетамъ, которые могутъ знать истины и наивѣрнѣе правды. Жандармы выставлены оскверненію въ своей газетѣ промаху правительства и неволею друзей его, которые имѣютъ пользы, вредятъ ему. Они поднимаетъ вопросы, которые благотворнѣе бы забыть, напоминаютъ событія, неприятныя для всѣхъ, искажаютъ факты, всѣмъ вѣрныи. Эти невольные друзья принесли бранить все прошедшее и презрительно настоящее. Газета «France» не стыдится уфрѣять, что Луи-Наполеонъ — глава либеральной партіи и что онъ далъ свободу Франціи. Эта статья названа историческою правдою. Въ ней ставится, что «свобода 1848 года привнесла въ Францію духъ свободы, который народъ провозгласилъ конституцію 1852 года, какъ необходимость для общественной безопасности, какъ единственное спасеніе общества, противъ демагоговъ». Эти же друзья не перестаютъ восхвалять 2-е декабря 1851 года. Но послѣ 2-го декабря — говоритъ Жандармы — свобода печати была подавлена; свобода сходяще не существовала. Значительные люди Франціи посажены были въ Мазасъ и самая строга цензура задерживала даже журналы, преданные правительству. За что же были благодарны имъ, что они не успѣли въ 1851 году въ свободѣ. Декреты 1860 и 1867 году изданы тоже же неограниченной властью, какъ декреты декабря 1851 года. Если эта власть отдала немного того, что отняла прежде, то можетъ снова взять назадъ. Видѣ мы ничѣмъ не гарантированы отъ новыхъ переворотовъ». И это еще самый синхронизителный отзывъ о вѣнскихъ системѣ правленія.

— Эпидемія проносныхъ печатей развивается съ каждымъ днемъ. Въ судѣ имперія занята оскверненіемъ редакторовъ и издателей, съ тѣхъ поръ, какъ новый законъ о печати вступилъ въ дѣйствіе. Если еще не въ вѣнскихъ департаментахъ, то по крайней мѣрѣ, можно сказать, что опонія очень неурочиво. Предсѣдателя «Фонаря» доходятъ до сѣнаторовъ. Они прислаиваютъ изъ Бельгій въ письма, но тѣ, кому адресованы письма, приглашаются къ съѣздному суду и при нихъ распечатываютъ пакеты, отдавая ишемю по назначенію, а экземпляры «Фонаря» конфискуютъ. Это еще не такъ забавно, какъ конфискація брелочекъ въ видѣ фонарей. Улобахъ, изданный «Колоколъ», говоритъ объ этомъ: «Надобно вѣрнуть свою фонаря изъ левисковича. Вѣрноту, городскіе серванты, изъ левисковича въ фонаряхъ, потребуютъ, чтобы вѣрныи не зажигали фонари, особенно красные. На чѣмъ остановится это предсѣданіе фонарей? Скоро фонарь въ конюшнѣ покажется сатирическимъ, глухой фонарь — заговорникомъ. Останется только фонарь полицейскаго комиссара и фонарь закладной кассы, гдѣ журналисты, приговоренные къ штрафу, будутъ дѣлать займы. Любопытно, чтобы будутъ дѣлать тригличники, если имъ запретятъ имѣть фонари, необходимо для расквашиванія нечистотъ нашего времени?» Газета «Фигаро» призвана бы суду за отчетъ процесса турецкаго префекта Пастуро. Это —

печальная злодейка из истории второго декабря. Варейс департаментъ былъ въ волнении и въ осадномъ положении; къ префекту привели человека, именемъ Мартенъ Видоре, предававшего письма бунтовщикамъ; его приказали расстрелять и одинъ изъ жандармовъ выстрѣлилъ ему въ ухо. Мартенъ остался живъ, перенесенъ былъ въ больницу, но черезъ два дня его расстрѣляли. Объ этомъ говорили и писали, не называя имени префекта Пастору, который теперь префектомъ въ Турѣ. Это обстоятельство привело «Ватанго» и привело къ появлению префекта въ Варѣ. Статья писана была Жюльемъ Каррети, который, вмѣстѣ съ редакторомъ Виллемсономъ, осужденъ на штрафъ въ тысячу франковъ за оскорбленіе правительственнаго лица. Прошелъ студентомъ, сдѣлавшимъ демонстрацію въ ночь на 9-е августа и кричавшимъ: «да здравствуетъ «Фонарь!» окончивъ тѣмъ, что три студента осужденъ на десятидневное заключеніе и 16 фр. пени, а другие три на 30 фр. штрафа. Императорская цензура въ большомъ изумленіи. Императоръ приказалъ театру ставить оперу Вагнера «Риензи» и представлять либретто. Извѣстно, что въ оперѣ выведено соперничество двухъ фамилій, Колонна и Орсини, и въ одной изъ сценъ обѣ партіи поютъ: «да здравствуетъ Колонна! да здравствуетъ Орсини!» Цензура боится этого возгласа даже въ пьесѣ. Но нельзя же замѣнить его крикомъ: «да здравствуетъ императоръ!»

Англія. — Въ Англии занимаютъ составленіемъ списковъ для бундовъ выборовъ. Своеобразно составленъ бюджетъ вооруженія пхъ, потому что число избирателей измѣнено. Въ Бирмингемѣ было прежде 14,000 избирателей, а теперь 42,000; въ Ливерпулѣ 23,000, а теперь 37,750; въ Глазгоу 46,000, а прежде было 16,000. Въ другихъ городахъ число избирателей удвоилось. Стало быть, расчисти Дирриамъ могутъ оказаться небывшими. Дирриамъ убирать также на банкетъ въ Мейншпиртѣ, что положеніе Дирриамъ очень удовлетворительно, но извѣстия отсюда дознаваться противно. Не удалось, такъ какъ не удалось получить отъ Дирриамъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что онъ имѣетъ въ виду. Начено было съдѣнны и судъ началъ тѣмъ, что далъ выговоръ домохозяйку, который такъ строгъ въ своемъ жилищѣ, что выгоняетъ ихъ съ надеждою. Судья привалелъ еще нѣсколько словъ о надеждѣ, что новый законъ обратитъ жилищное отъ неподобающъ поступковъ. Убѣдилъ полицейскій еще не отсыпавъ, куда обложено 500 фунт. стерл. за это помукъ. Это дѣло еще кончено, а уже возмѣнено поносъ. На домъ одного престарѣлаго священника напали вооруженныя толпа, требовавшая оружія, и съ сѣрными ружьями. Партія торъ собралъ большой митингъ въ кристалльномъ дворѣ и готовила о сохраненіи государственной церкви въ Ирландіи. Перы Англии объявила даже войнуку на составленіе фонда для защиты протестантизма и герцогу Портленду поддалась на 50,000 франковъ. Это можетъ только поведетъ и перамъ, и государственной церкви, а не либеральной партіи.

Въ Майнотѣ происходила сумасная казнь, убійство по убачено, а по новому закону парламентъ. Этотъ человекъ служившій на желѣзной дорогѣ, убилъ своего начальнаго, сдѣлающаго ему выговоръ, и такъ какъ убійство было предумышленное, то онъ осужденъ былъ на смертную казнь. Знафотъ былъ поставленъ во дворъ тюрьмы, обнесенной высокими стѣнами, и вѣдь имъ вырвали ему, куда падаетъ осужденный, когда подъ нимъ опускается трапа. При казни присутствовали: шерифъ, смотритель тюрьмы, канцеляръ и нѣсколько журналистовъ. Около тюрьмы не было толпы любопытныхъ и только нѣсколько человекъ стояли, что въ Варѣ происходитъ только въ странное. Когда все кончилось, да несчастнаго, надъ тюрьмой подняли торный флагъ, означавшій, что преступникъ исполнилъ свое преступленіе.

Англичане осуждаютъ французское правительство за преслѣдованіи журнала «Lanterne» и Геприха Рошфора. Отъиго оно сдѣлало журналиста знаменитымъ; все Европа возмущено о немъ, въ Бельгіи его встрѣтили, какъ изгнаннаго владельца. Правда, что онъ сѣмъ и оскорбленъ, и тѣмъ же вѣдѣнъ, но въ его нѣтъ, но правительство не должно было выказывать, да боится его. Преслѣдованіи только усилили дерзость писателя и увеличили его извѣстность. Его брошюры провозвели волненія въ Сорбонѣ и раскляли общественное мнѣніе. Въ свободной стра-

нѣ эти случаи прораба бы неажитно, но во Франціи могутъ довести до сержаню.

Англіиска печать удивляется войнѣ, которую ведетъ французское правительство противъ газетъ, и видитъ въ этомъ слабость имперіи. Газета «Daily News» говоритъ рѣзко французскому правительству: «Еслъ вы не сильны и не сильнѣе противниковъ, то не можете ничего сдѣлать. Чѣмъ это за сила, если вы путаетесь маленькимъ сатирическимъ журналомъ до того, что дѣлаете посылку демонстраціи перекъ конторному журналу, окружаете нѣмлюю типографію, ставите жандармовъ на улицѣ и производите домашній обыскъ. Словомъ, вы дѣлаете въ маленькомъ видѣ новое изданіе государственнаго перерорта и это это потому только, что Рошфордъ оставилъ 13-й нумеръ «Фонаря»».

— Телеграфомъ въ Швейцарію дано знаніе о погнѣненіи одного фея на жизнь королевы Виктории. Дѣйствительно, лютериска ялиска арестовала Чарльза Вильяма Вуда, хотѣвшаго погнѣнить въ комитѣ королевы, но въ приное его назрѣніе не доказано. При допросѣ Вуда увидѣли, что онъ не въ своемъ умѣ и такъ какъ никто его не зналъ и при немъ не было дежуріе, то его послали въ Бернъ, а оттуда въ Англію. Хотя вѣроятно, что Вудъ помѣшанный, но погнѣненіе со стороны фея тоже возможно. Вообще съ покушавшися на жизнь королевы Виктории были погнѣнены въ домъ сумасшедшихъ, а не подвержены суду.

Италія. — Рабочицици провинциаль въ Италіи. Контро на всѣхъ успѣяхъ правительствѣ истребить его. Въ окрестностяхъ Равенны майта Гадома наводитъ ужасъ. Жители деревень направились въ городъ толпами, но это не изоготаетъ. Недавно герцоги поселили поили въ Равенну за покупками и вдругъ встрѣили самаго Гадома. Онъ, держа карбину въ правой рукѣ, протянулъ лѣвую и всѣ сорокъ человекъ отдали ему свои деньги, послѣ чего онъ перулся покою въ свои горы. Невозможно вѣрить такому расстрѣванью, но въ Италіи это дѣло удивительнѣе. Тамъ одинъ изъ именовъ Джамбуно обвиненъ въ поджиганіи банковскихъ билетовъ и четыре мѣсяца сидѣлъ въ тюрьмѣ, ожидая суда. Онъ уже сомнѣется въ умѣ, не дожидаясь сдѣнны.

Въ Римѣ все боится впаденія и продолжаетъ вооружать еривны, чтобы создать, арестовывая неподозрѣваемыхъ людей. Хотя римское правительство имѣетъ право опасаться, но предосторожности оно немного предпринимаетъ и оно знаетъ очень хорошо, что въ случѣ опасности, тотчасъ выдѣются въ защиту. Имѣло бы такой расчетъ, что если родились натапками, только когда напала былилась часть сосѣднѣхъ владѣній. Этими сосѣднѣми поубоются въ ватажкѣ, чтобы наполнить казну дѣларемъ с. Петра. Между тѣмъ, въ настоящую минуту никто не поминнается о нападеніи на Римъ. Гарibaldi живеть покою на Капрерѣ и выжидаетъ событий. Пашская армія уменьшавается всѣхъ вѣдѣхъ побѣтокъ. Жандармы получаютъ премію за помукъ дезертировъ и солдаты угаривавы съ жандармами, чтобы раздѣлить премію. Это шлоло для солда въ по-ривомъ дѣлѣи, которыхъ отсылають въ Арденны вмѣсто наказанія. Рабочицици не боится хозяйничанья о самого Рима, анъ очень хорошо, что всѣ вооруженія и укрѣпленія дѣлаются не противъ нихъ и что жандармы ихъ не тронутъ.

Испанія. — Герцоги и гергоница Монпансе прислали королевѣ испанской энергичскій протестъ противъ несправедливаго преслѣдованія ихъ. Они отказываются отъ участія въ восстѣвшихъ волненіяхъ Испаніи и признаютъ, что въ этомъ нѣтъ ни участія, ни лино, выше нѣе установленіе. Королева былъ тронута этимъ утверждѣніемъ и справедливымъ протестомъ, въ которомъ герцоги Монпансе доказываютъ, что его имя не могло служить знаменемъ для революціи, что у него не было партіи, и что онъ не могъ быть изгнанъ, потому что не нарушилъ ни одного изъ законовъ страны. Совѣтныи королевы поступають сами противозаконно, и интригуя у португальскаго правительства, чтобы оно не дозволяло изгнаннымъ оставаться въ Лисабонѣ. Вотъ почему герцоги и гергоница Монпансе остались долго на фрегатѣ «Этродъ Мадридъ» въ ожиданіи суда и въ ожиданіи слуховъ. Реакціонное правительство въ Испаніи вымучиваетъ заговоры и бунты, чтобы оправдать жестокія и несправедливыя мѣры. Къ этому средству прибѣгнулъ губернаторъ Барселонны и его за это

сдѣланъ губернаторомъ Севильи и Камергеромъ. Мѣждъ тѣмъ, въ Севильѣ происходитъ страшная преступленія. Недавно укралъ въ одномъ семействѣ пятилѣтняго ребенка и потребовалъ за него выкупъ въ двѣ тысячи дублоновъ. Родители не могли скоро собрать этой суммы и трупъ ребенка былъ найденъ въ канавѣ. Злодѣи извѣржали гробъ мальчю выкидали. Нечего и говорить, что извѣданы не найдены. Положеніе страны вообще очень печально, а она преврала уже нѣколько соборитъ и ушла на развѣ все Европу. О чествово Дю-Вихота переносе треста тѣмъ инвентаріемъ, нежесткая и нашо въ себѣ самъ сориваються Липозею I во времена его могущества. Когда же въ Европѣ царствовала реставрація и свѣщенныя помы, испанцы заставили своего Бурбона принять политъдемократическія постановленія. Въ эпоху революціи 1830 года, Испанія была революція, подъ властвіемъ Бурбонныхъ, а когда республика 1848 г. возновляла все Европу, испанцы насладжались тридцать Нарваеса. Послѣ 2-го декабря, когда имперія въ Франціи упрочилась, испанцы въ змѣили, въ 1854 году, бунтовать, и когда дѣла Австріи энергия то духовенства, Испанія продолжаетъ выполняться ему, какъ при Карлѣ II. И теперь, когда всѣ убѣждаютъ, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, въ Испаніи хотѣтъ переимѣнить династію, изгоняють генераловъ, назначають кандидатовъ на тронъ герцога Монпансе, который и не думать о томъ; партія карлистовъ хлопочет о возвращеніи власти Карлу VII, а демократы, число которыхъ значительное, хотѣтъ продолжать реформы. Въ этой странѣ, любимою солнцемъ, все дѣлается не такъ, какъ у другихъ, и потому нельзя предвидѣть, чѣмъ кончится нынешнее движеніе.

Германія. — Между Прусією и великимъ герцогствомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ заключена военная конвенція, по образцу заключенныхъ съ саксонскими владѣніями, Ольденбургомъ, Ангальтомъ, Шпартбургомъ, Липпе-Шаумбургъ, Липпе-Вальдекемъ и великими герцогами. Мекленбургскіе офицеры легувать въ службу Прусіи, однако не сѣдѣть въ ней на службу своимъ государямъ и сохраняють свою прежнюю форму. На эту Германія ловитъ французскіе офицеры, главнаго штаба, которые снимають планы крѣпостей. Въ Виттингенбургѣ, въ Виртембергѣ, арестованъ французскій инженеръ, въ Утерриденѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, нашли за приборомъ запечатѣе капитана главнаго штаба. Пруссіе правительство, повидимому, не обращаетъ вниманія на эти случаи французскаго любопытства.

Португалія. — Португальская палата депутатовъ приняла законъ объ отчужденіи земель, принадлежавшихъ духовенству. Законъ этотъ былъ представленъ бывшимъ министромъ, только въ немъ сдѣлана та переимѣна, что холева получать деньги по настоящему курсу государственной ренты въ Лисабонѣ. Кортезъ въ нынѣшнюю сессію принялъ одно важную мѣру: это — уменьшеніе пяти лѣтъ на три года дѣйствительной службы въ сухопутной арміи. За то служба въ резервѣ назначена, вмѣсто трехъ лѣтъ, на пять.

Желѣзная дорога черезъ гору Пеннсъ.

Первыя желѣзныя дороги проводились по гладкимъ поверхностямъ, и когда оказалась необходимость прокладывать рельсы на возвышенности, съ которой приходилось нотомъ спускаться, надобно было придумать новыя системы колесъ и рельсовъ. Для податнаго поезда на возвышенности начали дѣлать массивныя колеса, которыя, идя по дѣржамъ на рельсахъ, не рисовали вертѣться на одномъ мѣстѣ, не подгибались впередъ. Для этого же дѣланы и желѣзныя вагоны. Но при спускѣхъ эти системы оказались опасною и могла быть причиною гибели поезда, быстрота котораго увеличивалась по мѣрѣ наклоненія дороги. Для извѣжанія этого придумали разныя дѣржакъ и тормозы, но инженеръ Фельдъ нашелъ самую лучшую систему: устройство третьяго рельса и третьяго ряда колесъ въ вагонахъ. Третій рельсъ кладется посреди первыхъ двухъ, только нѣсколько выше ие колесъ устроены такъ, что никогда не могутъ сойтись съ рельсомъ.

Опытъ наль системомъ Фельда имѣли полный успѣхъ и составило общество, завзявшее устроить первую иррорубную линію черезъ гору Пеннсъ. При этомъ употребили въ дѣло сильнѣйшую машину и трех-рельсовая дорога оказалась удоб-

Выезд на гору Цейнес.

Спуск с горы Цейнес.

нов, какъ при подъѣмѣ, такъ и при спускѣ съ горы. Эти горы будутъ дѣлать до окончанія пролѣта тоннели и плоскостей, вѣроятно не будутъ болѣе проливаться тоннелей, когда есть средство обѣднѣть безъ нихъ.

Представляю видъ этой трех-рельсовой дороги, идущей въ горы, потомъ поворотъ ея около вершинъ горы Цейнесъ и спускъ съ нея. Система Фелла, вѣроятно, быстро распространится по своей удобности и безопасности. Вотъ какъ описываетъ поѣздку по этой желѣзной дорогѣ русский туристъ, г. Туръевъ.

Путешествовать въ канувшуданские жары по Италіи истинно пенитанція. 32° и 35° стотград. представляють въ какой угодно тѣни. Но нельзя было не взглянуть своими собственными глазами на одну изъ диковинокъ новейшей изобрѣтательности — на открытую 15-го июня на Момсени желѣзную дорогу, о которой носится столь противноложные и неопредѣленные слухи.

Кромѣ нестерпимаго зноя, нѣсколько другихъ обстоятельствъ усложняли мое намѣреніе. Главное, ни въ Миланѣ, ни въ Туринѣ никто не умѣлъ сказать мнѣ, дѣйствительно ли по этой дорогѣ можно съ одного конца до другого переѣхать черезъ горы, не слѣзая въ какую-нибудь пропасть. Никому не было извѣстно, въ какие часы отправлялся поѣздъ. Въ конторѣ *Messageries Impériales*, безпрерывственно обиравшихся столько дѣтъ страдающую публику, мнѣ, съ иронической улыбкой, объявили, что точно есть на Момсени что-то въ родѣ желѣзной дороги, но что это не болѣе, какъ попытка, и что для правды и безопаснаго переѣзда, особенно для чловѣка порядочнаго, нѣтъ другого средства, какъ извѣстнае дилляпансе *Sauvage et Lafite*. Въ отелѣ, гдѣ я остановился, проѣзжая черезъ Туринъ, точно также какъ и на укладъ всѣхъ перекрестковъ, рисовались, по заднепоному порядку, десятки гигантскихъ афишъ и объявленій всякаго рода, но между ними и желѣзною дорогой, которая меня интересовала, не было ничего нѣсколько обихаго, но даже и подходящаго

болѣе общаго. Что касается до журналистовъ, которые могли бы и должны были бы говорить, они были заняты несравненно болѣе важными, муниципальными спорами и переделкой карты Европы, гдѣ Россія, разумеется, готовилась полотить весь цивилизованный міръ, не исключая, конечно, такъ быстро цивилизующейся Турціи.

Всѣ эти умолчанія и невѣдѣнія можно объяснить частью равнодушіемъ, какимъ пренебреженъ сѣверный итальянецъ, частью недоброжелательствомъ, котораго новое предпріятіе не могло не возбудить въ массѣ людей, связанныхъ съ прежними порядками и пользующихся его выгодами. Въ Сузѣ, и особенно въ Сан-Минеллѣ, духъ интригъ, откуда отходить и гдѣ останавливаются интрижаны, недоброжелательства не сдерживаетъ. Всѣ этотъ людъ директоровъ, инспекторовъ, комиссаровъ, конторщиковъ, инспектовъ, извозчиковъ, фанкиеровъ, держателей мелкихъ экипажей, трактирщиковъ, жившихъ доселѣ въ довольствѣ, славы и величіи, со страхамъ и досадой видятъ, что ихъ парствію угрожаетъ конецъ. Неудивительно посѣть того, что ни афиши, ни объявленія не остаются на мѣстѣ: они не горюшатся выходятъ изъ подъ типографскихъ станковъ.

Впрочемъ, можетъ быть, и само общество новой дороги не хочетъ дѣлать болѣею гласности, пока подвижная и личныя составы, а равно и нѣкоторыя детали самаго пути не будутъ окончательно организованы.

Мнѣ не оставалось такимъ образомъ другого средства, какъ отправиться въ Сузу, къ подножію Момсени, и на мѣстѣ развѣдать, что и какъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Здѣсь я убѣдился, что поѣзды регулярны. Изъ Сузы въ С.-Минеллу два утреннихъ (въ 7 и 8) и изъ С.-Минеллы въ Сузу два вечернихъ (въ 2 и 5). Послѣдній приходитъ ночью. Выѣхавъ изъ Турина около двухъ часовъ пополудни, я прибылъ въ Сузу въ четыремъ часамъ, нѣсколькими часами позже послѣдняго отравленія. Несмотря на то, что это принудило меня провести почти цѣлый

день въ грязномъ, вонючемъ городишкѣ, моя рѣшимость принесла мнѣ ту пользу, что я могъ, по крайней мѣрѣ, изъ С.-Минеллы первого вечерняго поѣзда (въ 7½ ч.), по просторѣ осмотра, что меня интересовало.

(До слѣдующаго №).

DOLENTE.

На сердце дума, а въ жизни работа;
Вѣтеръ, влюбованъ, свиститъ вѣтъ овномъ...
Не весела мнѣ, какъ прежде, работа,
Хочется плавать о горѣ чужомъ —
Ты мнѣ напомни все молодое —
Въ жизни разбитой и полюбленной —
Все-то завѣтнее, все дорогое...
Значитъ не даромъ заблудивъ вѣтъ твоей.
Но... до чего довела тебя душа!
Гдѣ твоя вѣчная вѣсна слышна,
Гдѣ твоя прелесть, вѣтъ ты не одна.
Ты идеалами жизнь замѣнила,
А говорила: «какъ жизнь хороша».
Ты такъ глубоко, такъ честно любила...
Старая вѣсна! — да новою итъ.
Снова въ вѣткахъ челоуѣчество бродитъ —
Надо не вѣсна, а надобно свѣтъ.

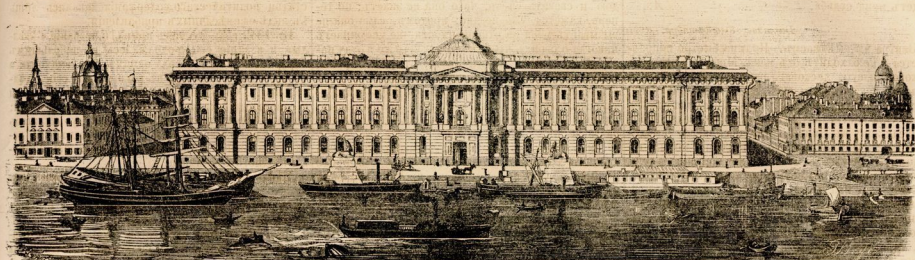
* * *

Когда хочется вѣчно любить —
Мнѣ приходится жить просятъ:
Когда хочется страстно дышать —
Мнѣ за жизнь надо вѣтъ и страдать.
Свѣтъ итъ глухой тѣсною позвѣтъ
Двое вѣтъ — слову заглушить,
Свѣтъ итъ горючку вранью снать,
Что возможности итъ увѣтъ,
Что жить значить — терять и терять,
О потеряхъ друзей тосковать,
Все надежды скорѣе забыть,
Торопъ плавать и вѣтъ не любить.

М. М.—№.

Гора Цейнес.

А ДРИЕНА.

(ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ).

Часть вторая.

II.

Варшава, 1-го октября.

« Не спрашивай меня, моя добрая Лиза, какъ я добудла, что я видѣла на дорогѣ. Я ничего не знаю, ничего не видѣла. Передъ глазами моими была умирающая дѣвочка, такъ похожая на него, и я только присела Доротею не останавливаться ни гдѣ. Хвать скорѣе, потому что я почтала бы себя виновною въ смерти ребенка. Доротея не жалѣла денегъ, пламенивъ се, Франкъ, ухватилъ за мою руку, какъ за припесою, и я вдохнула свободнѣе, когда мы вѣхали въ Варшаву и остановились передъ какимъ-то дворцомъ. Было уже довольно поздно. Мисъ Смитсонъ встрѣтила меня съ своею вѣчною неподвижною физиономіею и сказала, что Полнѣ немного лучше и она заснула, что кингилъ отдыхаетъ и мнѣ готова комната. Она проводила меня и, вида мою усталость, раздѣла меня, уложила въ постель, принесла чашку чаю, которую я выпила машинально и уснула такъ грѣвно, какъ давно не спавшая. Поутру я проснулась въ объятіяхъ Зины, которая цѣловала мнѣ руки, называя меня благодѣтельницею, спасительницею. Я не вѣдуть, шалась, что ей отвѣчать, потому что, судя по ея писемъ, думала встрѣтнн отъгнать мать, убитую горемъ, а между тѣмъ, никогда еще кингила не казалась мнѣ такъ хороша и весела, одѣта такъ кокетливо. На ней были бѣлый камешерный шарфикъ, винный мажированный подолкомъ, подыванный сиренкомъ съ огромными кистями; чудная головка ея была причесана очень искусно. У меня мелькнуло въ головѣ, что меня обманули, но Зина, точно угадавъ мои мысли, заговорила: — Полнѣ только вчера сдѣлалось немного лучше, и я оживла и успокоилась. Докторъ говоритъ, что се надобно беречь, не протирѣивать ей, а то онъ ни за что не отвѣчаетъ. Зиму она должна провести въ Ниццѣ. Какъ только позволитъ, я поведу ее туда и остановлюсь только въ Вѣнѣ, Миланѣ... Одѣвайся скорѣе, я пойду къ больной. —

Она вѣхала изъ комнаты, а Доротея подала мнѣ точно такой кашотъ, какой была на Зинѣ, только винный зеленымъ. Мнѣ не хотѣлось одѣвать этотъ дорогой костюмъ, но мой чемадонъ не былъ неснесенъ, и я, причесавшись на скоро, одѣла этотъ подорожъ и пошла къ дѣтской, откуда мисъ Смитсонъ принесла Марусю, еще полууснуваю. Однако, дѣвочка узнала меня и закричала: Адриана! спомни звонкимъ голосомъ. Другой голосъ, только слабѣе, повторилъ мое имя за дверями, и я бросилась туда прямо къ злодейской протвѣтѣ. Художки ручки обнялись поутрѣ моей шеи. Боже мой! Какъ переизмѣнилась эта бѣдная дѣвочка! опасная матери были не напрасны! Я старалась удерживать слезы и отвѣчала на ласки Полнины, которая прилегла на подушку вмѣстѣ со мною и шептала мнѣ:

— Вотъ ты прѣхала, Адриена... ты знала... ты бросила насъ... другъ Польшъ занятъ больше тебя, а прѣхаль... онъ любитъ меня...

Меня что-то кознуло въ сердце, я поднала голову и у изголовья больно увидѣла барона; онъ смотрѣлъ на меня, улыбаясь. Я не могла вынести этого взгляда и опять ушла на подушку Полнины, чтобы спиратъ разгорѣвшееся лицо. Не могу тебѣ описать, что я чувствовала, но радость преобладала, и теперь я признаюсь тебѣ: у меня было предчувствіе, что я увижу его въ Варшавѣ. Зина вышла съ докторомъ, который объявлялъ, что опасность прошла, но надобно быть очень осторожными съ больною. Полнина, вѣрно отъ слабости, закрѣла глазаи и тихо уснула, держа мою руку, такъ что я не могла двинуться съ мѣста и оставалась на колѣняхъ поодѣ въ постели.

Тогда Польшъ нагнулся ко мнѣ очень близко, чтобы не разбудить ребенка, и шепнулъ:

— И вы хотите уѣхать меня и себя, что не любите меня... Зачѣмъ же вы оставили безопасный уголъ въ Малороссіи, добрыхъ друзей, тихое проживаниеъ! Вы хотите жить! Вы любите...»

« Не знаю, откуда у меня всталась храбрость взглянуть събѣло ему въ лицо и отвѣчать твердо: — Вы правы! Я люблю васъ... только никогда не буду вашей женою. —

Радость освѣтила его выразительное лицо; онъ проговорилъ въ волненіи: — Будете...»

Потомъ онъ хотѣлъ взять мою руку, но я оттернула ее. Тогда онъ нагнулся съ силой изловчкѣ, я думала, что онъ понаутуетъ ее, но онъ подложилъ мою руку, которую держала Полнина, и вы-

несъ тихо изъ комнаты. Я осталась точно окаменѣвша, болзая пошевельнуться. Мнѣ казалось, что это сонъ, что на аву я никогда бы не смѣла выговорить, что люблю его... Но вѣдь онъ зналъ это прежде меня и не вѣрнѣе моимъ словамъ. Это было бы, въ положеніи моемъ ничего не переизмѣнилось. Отчего только Зина не сказала мнѣ о его прѣхавѣ? Мисъ Смитсонъ и Доротея должны были тоже знать обо мнѣ и молчали, вѣроятно, по правдѣзачи. Мнѣ надобно поговорить съ Зиною, чтобы между нами не было никакихъ недоразумѣній. Она еще не знаетъ, что Польшъ предлагалъ мнѣ руку, что я отказала и твердо рѣшилась исполнить мое рѣшенье. —

За завтракомъ его не было и я не смѣла спросить о немъ, но Маруся спросила: гдѣ престрѣилъ и Зина отвѣчала: онъ уѣхалъ.

Потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавила:

— У него такъ много дѣлъ и притомъ, для его не такъ здоровъ... Онъ идаль только, чтобы докторъ объявлялъ Польшу вѣ опасности. Замовъ отъловѣтъ въ Парижѣ, по порученію дяди, и объявилъ, если будетъ можно, прибавить насъ въ Ниццѣ. Впрочемъ, я на это не рассчитывала. Тамъ будетъ гѣтушка съ кузиными, а онъ ихъ не очень жалуетъ. Вѣрно боится, что его женить насильно на которой-нибудь изъ кузинъ.

Зина много говоритъ долго. Меня поразили этиотъ неожиданный отвѣдъ, и страшно, что я не могла рѣшиться поговорить съ кингилемъ. Она была очень ласкова, благодарила меня снова за мою жертву, повезла меня кататься, чтобы поважатъ городъ.

Что тебѣ сказать о Варшавѣ? Городъ старій, оригинальный, живописный, непохожій на наши русские города. Но меня заинтересовали не стѣны, а люди. Здѣсь много хорошихъ женщинъ, одѣтыхъ кокетливо, но мнѣ не нравятся ихъ стѣны, даже наглые взгляды, ихъ свободное обращеніе съ мужчинами, ихъ вымывающее кокетство. Мужчины, напротивъ, держатъ себя осторожно и какъ будто заискиваютъ довѣрія, но чувствениы, что они глубоко ненавидятъ насъ и никогда не простятъ намъ спомнѣ несчасій, въ которыхъ сами виноваты. Будный народъ!

Вечеромъ къ Зинѣ прѣхали гости: олимпъ генералъ съ женою, какой-то высшій чиновникъ и еще чеполова три изъ русскихъ, знавшие кингилю въ Петербургѣ. Она рекомендовала меня и сказала, что братья меня заграничу, только надобно выхлопотать мнѣ паспортъ. Генералъ и чиновникъ тотчасъ предложили свои услуги. Я еще не рѣшилась, не говорила Зинѣ, что яду съ нею, не писала объ этомъ тебѣ, а она уже распорядилась мною. Впрочемъ, Полнѣ еще не скоро позволитъ ѣхать. Я уснѣю обучать.

Прѣдя въ свою комнату, я подошла къ письменному столу, чтобы писать тебѣ, какъ вдругъ увидѣла на близой полкѣ бумаги, голубоватую полосу, на которой пролегла: «Поручаю намъ Полнину, побрегите се до моего прѣхода. До свиданія. Ваншъ Польшъ.»

Теперь нечего обдумывать. Я яду въ Ниццу, я исполню его порученіе. Знаю, что ты будешь бранить меня, что меня ждуть,

Пеггъ Стаальмахъ.

может быть, страдания, неприятности, унижения но если я оплот сдѣлалась добровольно Адріену, то должна идти вперед не оглядываясь, куда поведет меня судьба.

А.

Полуночь, 8-го октября.

Завтра мнѣ въѣзжаетъ. Полина быстро направляется и не уходитъ отъ меня. Могу ли я оставить столько милого, ласкового ребенка. Зина тоже не знаетъ, какъ угодить мнѣ, чѣмъ, развѣею меня, тогда какъ я и не думаю съутать. Получила отъ тебя. Она благословляетъ меня, очень рада, что я проведу зиму въ Ниццѣ, куда вѣселятъ и чачотиньхъ... Она кундла очень выгодно домыкъ съ садомъ, собирается завести все хозяйство въ моему возвращенію. У нее есть два жилаки, Ивановы, и Костя переѣхалъ въ ней. Они прислали мнѣ длинное, подробное письмо въ самомъ разгоряченномъ тономъ; вѣрно носирала со своею хозяйкою. Они заиваютъ мнѣ, что я буду жить въ страдѣ, гдѣ арътъ лимона, бранить странно Петербургъ, вѣтербѣй хвалить и говорить, между прочимъ, что если на мнѣ не женится сынъ Викторъ-Эмануила или не похититъ меня Гарибальди, то, при моемъ возвращеніи, онъ намерѣнъ предложить мнѣ руку, на которую я могу опереться и которая будетъ работать безъ устали, тогда достанутъ мнѣ раскорми, для которой я, будто бы, родилась. Право, отъ меня насыбилъ, тѣмъ больше, что, вѣроятно, самъ уже забылъ о своемъ предложеніи. Я знаю, что еслибы ты была со мною, то посуетовалась бы мнѣ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, и вѣхалась за Костю, но развѣ часто видишь одного, тогда любя другого? Притомъ, еслибы я и рѣшилась на такую глупость, то объяснила бы мнѣ сказать Костю, что могу брать его только, какъ брата, и тогда онъ самъ отозвался бы отъ такого счастья. Ты называешь меня сумасшедшею; но говорить, что сумасшедшие очень счастливы... Не сердись же на твою безумную Адріену, которая будетъ по прежнему повѣрять тебѣ свои безумныя мечты.

Два, 15-го октября.

Вотъ я въ Вильн, милая Дина. Думаю ли я, расплачавшись у тебя въ деревнѣ, что въ нынѣшнемъ году съясню не увидишь меня и буду пригрозиться по Европѣ самымъ кофортнѣйшимъ образомъ. Мнѣ съиню вспомнить, какъ я съ Матронею трислась въ невозможныхъ экипажахъ въ тебѣ. Право, богатые счастливы, что они знаютъ никакихъ дорогъ, никакихъ хлопотъ, что они вездѣ какъ дома, окружены удобствами и за нихъ даже думать не хотятъ. Мнѣ идея, разумеется, въ первомъ классѣ, въ особеннѣйшій вагонѣ. Дорожки и Фришъ, госпитали кажутся мнѣ. Управляющій ѣдетъ впередъ, пригласивъ меня, квартиру, знаешь, заботится о багажѣ и мнѣ ѣдемъ, какъ вѣдальныя пришесть. Ты посмеешься надъ моимъ барствомъ, но не сама ли ты говорила, что не можешь безъ уаеса подумать о поѣздѣ въ Петербургъ, потому что надобно самой заботиться обо всемъ, вѣхатъ по первобытнымъ дорогамъ, останавливаться въ вагахъ-то трунбачахъ, гдѣ неважно найти порядочного куса хлѣба; да еще на вѣхъѣзжихъ дорогахъ хлѣба мало добудеть. Счастье давало отъ хорошихъ, госпитали кажутся мнѣ. Управляющій ѣдетъ впередъ, пригласивъ меня, квартиру, знаешь, заботится о багажѣ и мнѣ ѣдемъ, какъ вѣдальныя пришесть. Ты посмеешься надъ моимъ барствомъ, но не сама ли ты говорила, что не можешь безъ уаеса подумать о поѣздѣ въ Петербургъ, потому что надобно самой заботиться обо всемъ, вѣхатъ по первобытнымъ дорогамъ, останавливаться въ вагахъ-то трунбачахъ, гдѣ неважно найти порядочного куса хлѣба; да еще на вѣхъѣзжихъ дорогахъ хлѣба мало добудеть.

Что тебѣ сказать о Вильн? Варшава произвела на меня грустное впечатлѣніе, но Вильнъ такой хорошенякъ, веселый городъ, что въ немъ легко житье. Здѣсь тоже много хорошенякихъ женщинъ, но я не смотрю привѣтливо и наивно, мужчины радуютъ и веселят, но веселье ихъ шумное, нестройное, а уфренное, пену выходящее изъ глотки. Какой порядокъ, какая чистота въ театрахъ! Театры невелики, но труппы играютъ добросовѣстно, больше французскія переводныя пьесы. Здѣсь почти въ музыканты, инструменты превосходные и я, по просьбѣ Зины, научила много у ней. Моя Полина вначаваетъ просить меня, чтобы я учила ее музыкѣ, и въ Ниццѣ я хочу еще посвятить урокамъ музыки, потому что не могу быть безъ работы. У Зинаиды вездѣ знакомые, которые навѣщуютъ ее. Разумеется, все это организуютъ, между которыми мнѣ какъ-то невольно, потому что я и не знаю ихъ и потому я хочу оставаться на своемъ мѣстѣ. Я учительница музыки Полины и больше ничемъ. Зина очень ласкова и внимательна со мною и старается выдвинуть меня впередъ, но я сама ступаю назадъ,

потому что иногда не буду принадлежать къ тому кругу. Странно, что я все это время не могла найти случая откровенно поговорить съ Зинаидой и сказать ей то, чего она не знаетъ; но теперь, кажется, уже поздно; притомъ, сама она не вызываетъ меня на откровенность, не упоминаетъ никогда о своихъ чувствахъ; для чего же я буду навязывать ей мой тайны? Часто, въ разговорахъ, упоминаю я имя барона, справляюсь о немъ и она отвѣчаетъ холодно, какъ о чужомъ. Неужели привороство можетъ дойти до такого совершенства, или да действительно охладѣла къ нему? Кто ее развуждалъ!

Мисъ Смитсонъ продолжаетъ разгнѣвать роль автомата, заведеннаго развѣ навсегда и отъ нее нельзя добиться слова лишняго противъ положенаго. Я пробовала расшевелить ее со всѣхъ сторонъ; разспрашивала о ея родннкѣ, хвалила английскую науку, литературу, просила у ней англійскихъ книгъ, восхвалила ее уживѣемъ врознѣхъ дѣтей, но не добилась ничего, кроме односмысленнаго отвѣта: «холодно, холодно, холодно». Дорота, напротивъ, очень разговорчива, часто предлагаетъ мнѣ услуги, заботится о моемъ туалетѣ, но эта старая нѣма знаетъ мнѣ большую недоброчность. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, кто посылалъ мнѣ ея письмо на туалетъ въ Петербургъ, кто въ Варшавѣ оставилъ голубую полосу бумаги, но не рѣшаюсь спросить, хотѣ быль некому, какъ англичанки и вдовы. Объ эти женщины предану мнѣ, но какъ подумать, что строгая и чопорная мисъ Смитсонъ согласна на такую близость? Дорота, однако, не молчала: съ тѣхъ поръ, какъ она осталась ея милостива: неужели она не хвалитъ своей осповѣди, а такъ очень хороша ее признавать? Мнѣ кажется, что я скоро сирому безъ этого, его самого. Мнѣ еще хочется разъяснить вопросъ о продажѣ нашей Разины и о покупкѣ тѣмъ домика въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, тутъ что-то нечисто, потому что у насъ дѣла не дѣлаются такъ скоро и удачно. Да мало ли мнѣ чего хочется!

Мнѣ теперь проблема скоро самой Ниццѣ и остановаваться, тогда же, дѣль въ Зинаидѣ, а думать, чтобы я могла бытъ приездомъ на меня тогда пріятно впечатлѣніе, какъ будто честные вѣсны, а я Францискарида знакомится ея ея ошоунашею—французами, къ которымъ я въ чувствую симпатію, несмотря на ихъ недостатки. Много французской и въ Петербургѣ и мнѣ случалось встрѣчаться съ ними. Ихъ блестящая болтовня увлекаетъ, ихъ веселость, откровенность, фамильярность, уфренность въ себѣ, національная гордость нравятся съ первого раза, но потомъ замѣчается пустота и пошлость высказанія, вѣхное хвастовство мнужна надобитъ и великая нажда становится непереносною... Но ты вѣрно тоже думаешь и о твоѣй Адріенѣ, которая надѣла тебѣ своимъ разсужденіемъ. До слѣдующаго писма.

А.

(до слѣдующаго №).

Петръ Стальмахъ.

Похвѣлъ портретъ и биографію редактора «Вильнской Вѣзды» Петра Стальмахъ, одного изъ членовъ этого кружка, который поставилъ себя за цѣль распространить просвѣщеніе по всей Литвѣ въ славянскіе общинахъ и языкахъ въ общности.

Петръ Стальмахъ родился въ 1824 году, въ мѣстечкѣ Вакановнахъ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ фольварка. Гимназическое курсъ окончилъ онъ въ Циннѣ, потомъ вступилъ въ пресбургскій университетъ, гдѣ ближе ознакомился съ польскою литературою, а такъ какъ въ числѣ профессоровъ его было много молодежи разныхъ племенъ славянскихъ, то онъ легко усвоилъ себѣ ихъ языкъ. Въ этомъ отношеніи много содѣйствовало извѣстному Штурму, профессору славянскій исторіи и литературы, извѣстнаго особенною способностью пріохотичать славянскую университетскую молодежь къ изученію славянскихъ литературъ.

Спусти нѣсколько лѣтъ, Стальмахъ перенеслся въ Вѣну, гдѣ изучалъ евангеліческое богословіе и въ то же время, какъ и въ Пресбургѣ, имѣлъ частныя уроки. Тогда уже былъ онъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Вильнской Еженедѣльной вѣзды» съ 1840 года, вѣхавъ издавать, по мысли Стальмахъ, адвокатъ, докторъ Курціи.

До конца марта 1829 года продолжалъ Стальмахъ вмѣстѣ съ Клуцинскіи журналъ, сперва по

преимуществу политическаго характера, но впоследствии, уступивъ желанію читателя, сдѣлалъ изданіе не исключительно политическимъ, а статьи политическаго содержания давались лишь въ видѣ ежемѣсячныхъ прибавленій.

Въ 1852 году журналъ принялъ названіе «Вѣзды» и изданіе его продолжалось съ небольшимъ перерывомъ до 1861 года однимъ Стальмахомъ; а въ 1861 году, стремясь къ расширенію своей дѣятельности, Стальмахъ пригласилъ въ содуриніи и соавтателя Иосифа Ходковскаго изъ Познани; но тебѣ ricordare тогда покинулъ «Вѣзду», принявъ на себя редакцію «Надвислянна», такъ что редакторствованіе «Вѣзды» опять осталось на рукахъ одного Стальмахъ.

Кромѣ журнальнаго дѣла, Стальмахъ старался тоже о распространеніи между народами польскихъ книгъ, и по его мысли учреждена была въ Циннѣ народная читальня.

Независимо отъ множества журнальных статей, Стальмахъ написалъ польскую грамматику для народа.

КИТАЙСКАЯ ЛЮБОВЬ.

(СОВРЕМЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ).

VII.

Когда Аносиада открыла глаза, то увидѣла себя въ большой комнатѣ, казавшейся прозрачно-голубою, потому что въ ней было много оконъ, закрывшихъ голубыми занавѣсками и, вѣсто потолка, была тоже стеклянныя купола, обтянутыя голубою матеріею, черезъ которую проходили лучи свѣтлаго дневнаго солнца. Вокругъ залы стояли магніе диваны со множествомъ подушекъ, и Аносиада отшатнулась, увидя нѣсколькихъ лежаныхъ тутъ мужчинъ; ни одинъ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Всѣ они спали, но съ открытыми глазами и не слышно было ни слова, ни шороха въ этомъ собраніи.

Молодая женщина скоро поняла, гдѣ она находится. На мармурномъ столѣ лежало нѣсколько чубуковъ и трубокъ, вѣтъ зажжены свѣчѣ и въ фарфоровыхъ вѣтъ вѣзды торчили свѣчки. Это было домъ гдѣ, какъ она поняла, было общество смерти.

Китайское правительство строго запрещаетъ подобныя дома, гдѣ совершаются самоубійства и пощина поминутно закрываетъ такіе приюты, называя нахамки козель; но охотниковъ до оубуа такъ много, что они сами откываютъ себѣ мѣста, гдѣ могутъ наслаждаться смертными грѣхами. По большей части, эти убійца открываютъ старухи, которыя дають диванъ и оубуа постельные. Въ домъ обыкновенно такъ тихо, что это кажется страннымъ, но въ немъ беспрестанно слышатся нежные блаженство изъ фантастическихъ и умопальческихъ видѣній. Всѣ равняны понимаютъ эту голубую комнату и уносятъ съ собою счастливыхъ въ надзѣдныя гроба.

Аносиада не могла удержатъ крика ужаса. Она знала, что эти дома губятъ много несчастныхъ, что это она сама гдѣ такъ, тогда уже не видѣть живыми, и леонъ жилъ такъ долго въ этомъ страшномъ домѣ. Г-жа Пастуръ бросила съ отгранительной старухѣ и закричала имя Леона. Му-Чанъ упала на колѣна. Эрро увидѣла, что она слезы и за него хотело заплакать. Но Аносиада хотѣла только видѣть Леонъ. Въ ней было столько любви, что она надѣялась спасти его, оживить, отнять у смерти.

Старуха подвела ее къ маленькой двери, отпернула занавѣску и сказала:

— Войди.

Она бросилась въ комнату и остановилась передъ Леонъ. Онъ спалъ тихимъ сномъ, и лицо его выражало то тихую радость, то страсть и наслажденіе, тѣло казалось безжизненнымъ.

Этотъ сонъ дѣйствовалъ, какъ сильнѣйшій ядъ. Внутренній огонь сжигалъ слабое тѣло, которое худѣло, блѣднѣло, драхило видѣно. Жизнь улетала замѣтно.

Аносиада упала къ нему на грудь, обняла его отчаянно и старалась ласками разбудить его. Онъ не пошевельнулся, но проносилъ тѣло ея имя. Тогда она принаслась къ нему съ кривою, какъ бы дѣла, чтобъ его сердце услышало, какъ бѣтаетъ ея сердце. Онъ очнулся, она вскричала:

— Леонъ, это я! Ты меня любишь, а я стараюсь тебя страдать. Мой милый, забудь все. Я твои, я твоя любовь.

Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, потомъ закрылъ глаза и промолчалъ.

— Оставьте меня.
 Она была поражена этими словами, но надежда не покинула ее.
 — Ты должна проклинать меня, продолжала она: — но я раскаиваюсь, умоляю о прощении. Леонъ, слышалъ надо мною, не проклинай меня, я и то страдаю такъ, что готова умереть.
 — Я узнаю васъ, проговорилъ онъ тихо и какъ бы нехотя. — Анонсиа двѣ. Одна беззащитна на яру, другая добра во снѣ. Оставьте меня, я хочу спать.

— Ты унесешь дома; пойдемъ, мой милый, со мною.
 Но онъ приподнялся съ трудомъ на своихъ диванѣ, схватился за занавѣску, какъ бы боясь, что надъ нимъ употребятъ силу, и вачалъ говорить отрывисто, но твердо, сдержанна рѣдана.

— Уйти отсюда, сдѣлать за вами! Я довольно повиновался вамъ къ моему несчастью. Вы должны меня выслушать въ послѣдній разъ, потому что мы больше не увидимся въ этомъ мѣстѣ. Помните ли вы нашу встрѣчу въ Маргору, за четыре тысячи миль отсюда? Я рѣшился погнѣситься къ замку д'Эскеръ, жить безъ любви и видѣть васъ нѣкуда. Но вы сами пришли ко мнѣ и сказали: уведи меня отсюда, а тебя люблю. И я, какъ безумецъ, повѣрилъ вамъ, надеялся на скорое счастье, увезъ васъ за океанъ и въдалъ вашего сына, вашей любви, а вы отвѣчали мнѣ одно: погоди! И я въмѣлъ глупость ждать, но вы только смѣялись надо мною. Вы были рады, что уведли меня съ собою въ другую часть свѣта, какъ невольница, и вы не забыли моей любви, мой страданій. Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

Вамъ было приятно мое униженіе, вы позволяли только любоваться моею холодною красотою и скупились на мафиновую ласку, которая успокоила бы мой мученіа. Для чего жъ вы бѣжали отъ моего мужа, изъ Европы? Вы сами признали меня, и если любите и считали себя честною женщиною, то должны были отдаться мнѣ. Не говорите, что вы сопротивлялись изъ добродѣтели; вы потеряли право на имя добродѣтельной женщины, и вы не имѣли права любить моего страданія.

— Вы говорите, что опумѣ — смерть, скаждъ онъ.
 — Да.
 — А не вы ли прислали мнѣ Фань-су съ этимъ адомъ?
 — Я тогда не любила тебя, прости меня.
 — Прости! Напротивъ, я долеевъ благодарить васъ отъ всей души. Вы познакомили меня съ новымъ неземнымъ наслажденіемъ. Только для этого стоило прѣхать въ Китай и я благословляю вашу холодность. Я умираю, обладаю вами не такъ, какъ вы были въ жизни, но какою создано васъ мое воображеніе. Прощайте.

Положеніе бѣдной женщины было ужасно. Леонъ любилъ ее до безумія, а между тѣмъ отталкивалъ. Впрочемъ, онъ не могъ уже сдѣлать и этого, потому что послѣднія силы совершенно изурнуры, онъ упалъ на диванъ безъ движенія и едва дыша. Онъ уже не пробавалъ достать другую трубку и проговорилъ тихо:

— Прости и ты меня. Я поговорилъ тебѣ много глупостей, но я не имѣю оценокъ славы. Можешь ли, поправился, когда выйдешь отсюда. Скажи Му-Чангъ, чтобъ она позвала мой мальчикъ.
 — Ты согласишься сдѣлать за мною! вскричала радостно Анонсиа, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ.
 — Да, я твой невольникъ.
 — Стало быть, Богъ простилъ меня. О! какъ я счастлива!

— Не расчитывай слишкомъ на мои силы. Опумѣе убавится время. Впрочемъ, можетъ быть, и еще вѣкъ, доволно времени.
 — О! ты вѣлелъ моему любовнику.
 — Мнѣ кажется, что смерть вѣроятно. Въ такомъ случаѣ я не хочу, чтобъ обывали кого-нибудь, особенно Фань-су.

— Никто не тронетъ эту женщину, вскричала она съ досадою.
 — Я ей многомъ обязанъ. Ты помини праздники фонарей и твоё появленіе на немъ съ Фонденомъ.
 — Капитана увелъ тебя почти безумственною отъ страха и Фань-су остался со мною. Я былъ оскорбленъ и раздраженъ твоимъ сопротивленіемъ, но видъ молодой дѣвушки напомнилъ мнѣ первый умоплетенный сонъ, который я видѣлъ въ Пекинѣ. Красота китайки и ея любовь ко мнѣ не трогали меня. Я сказалъ ей, что хочу видѣть комнату въ нѣмѣдѣ, гдѣ я почитаю, а она всколонила мое желаніе. Когда я наии затворилась двери, я потребовалъ опума. Я хотѣлъ видѣть во снѣ васъ, и вы явились.

— Милый Леонъ! Я заплаку всё мой инни.
 — Фань-су пришла въ ужасъ. Она старалась объяснить мнѣ, что опумѣ — смерть, но я настаивалъ. Смерть съ вами была для меня наслажденіемъ.
 — Погоди меня, Леонъ.
 — Фань-су уговаривала меня, умоляла отказаться отъ моего замѣренія. Напрасно я предлагалъ ей золото, обещалъ поставить новикъ изолодъ въ нѣмѣдѣ, я расстроилъ плавать и сдалась, она осталась непреклонною и выгнала меня изъ нѣмѣды. Я бродилъ по городу, заходилъ въ кофейни и магазины и вездѣ просилъ продать мнѣ опуму, но Фань-су являлась вездѣ и говорила, чтобъ не сѣмъ мнѣ продавать, что я и то болѣе. Эта дѣвушка любила меня искренно. Она не выдумала услыши меня на вѣки, чтобъ избавиться отъ моего любия.

Леонъ вѣршилъ съ трудомъ, какъ будто въ бреду. Волненіе истощило его послѣднія силы. Онъ не видѣлъ Анонсиа и въ снѣхъ и у него осталась только одна мысль: еще разъ наслаждиться видѣніемъ. Онъ прибавилъ еще слышно:
 — Сюрье, мальчикъ... уведи меня.
 Анонсиа хотѣла бѣжать за старухою, но какое то предвѣстіе остановило ее.

— Я не хочу тебя оставить... пойдемъ со мною Леонъ, утѣшала она.
 — Я бы пошелъ, но не могу двинуться съ мѣста; я точно разбитъ парализованъ. Богъ что сдѣлалъ изъ моего опума.
 Она бросилась въ голубую залу, гдѣ нѣкоторые изъ несчастныхъ уже проснулись. Одинъ посмотрѣлъ на нее холодно и замѣтилъ:
 — Какъ нехорошо настояла женщина!

Какъ только Анонсиа скрылась за занавѣску, Леонъ приподнялся съ трудомъ и протянулъ руку за трубочку. Онъ чувствовалъ въ жилахъ холодъ смерти и на минуту расусоудъ овладѣлъ его мы-

слими. Онъ вспомнилъ свой замѣтокъ д'Эскеръ, по-думалъ, что здорovie можетъ къ нему вернуться и онъ улетѣть въ Европу съ Анонсиаю, которая будетъ его женою. Эта будущность была обязательна, но это — будущность, а теперь онъ могъ тотчасъ насладиться своимъ видѣніемъ.

Притомъ, что разъ попробавалъ этого ада, тотъ не можетъ удержаться отъ непреодолимо влеченія къ нему. Ничто не удерживаетъ этихъ преступниковъ въ идеальной странѣ. Они стремятся въ рай, гдѣ сила чувствъ и опущенія удавленія, за то гдѣ умираютъ. Но любители опума не работаютъ о матеріальной жизни, которая для нихъ не существуетъ и сознательно убиваютъ себя. Леонъ кое-какъ закрутилъ трубку, отключился на подуши динама и не успѣвъ легкимъ дымъ вылетѣть изъ его рта, какъ онъ уже качался на крыльяхъ фантази; мертвенная бѣдность покрывала его черты и онъ безозначательно проговорилъ:

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

— Прощай!
 Съ тѣмъ онъ пропалъ! Съ жизнью, съ любовью женщиною, съ погнѣбными мечтами, съ миромъ дѣйствительности?
 Анонсиа притаилась старуху, непонимающую, чего отъ нея хотѣло. Когда она вбѣжала въ маленькую комнату, трубка догорала на полу, руга Леона свѣсилась съ динама, черты застыли въ неподвижности. Молодая женщина схватила его руку, она была холодна, нагнулась къ его лицу и не слышала самого тихаго дыханія. Старуха приложила руку къ его сердцу и сказала хладнокровно: — Онъ умер!

Солнечная и лунная затмѣнія по народнымъ преданіямъ.

Полное солнечное затмѣніе было 6-го (18-го) августа, съ 3-хъ часовъ утра до 8-ми, въ восточной части Африки, въ южной Азіи и въ сѣверной Австраліи, описывается теоріе разными учеными эллистами, разсказанными для наблюденій его и въ нихъ вѣра въ предвѣстіе грядущаго. Вѣра же принадлежитъ древнимъ вѣрованіямъ, съ какими народы употребляютъ каждое солнечное или лунное затмѣніе.

Всякаго рода описанія объясняютъ или нашихъ предковъ при наступленіи подобаго явленія. Въ народѣ всегда существовало вѣрованіе, что прідетъ время, когда небесная свѣтила погаснутъ и не будутъ болѣе свѣтить на землѣ. Жрецы поддерживали вѣру, что боги охраняютъ землю и становятся все угнетеннѣе отъ нева этого несчастія, потому что и сами боги остаются въ вѣчной ночи, когда погаснутъ свѣтъ и солнце съ луною преданъ божьимъ враждебнымъ демонамъ. Но, мѣстѣ съ богами, и люди старались о сохраненіи свѣтлнхъ. Хотѣли молитвами и жертвами заштити солнце и луну отъ демоновъ, старающихся поглотитъ ихъ и для этого пугали вѣскими этихъ демоновъ. Въ скандинавской мифологіи сказано, что большой волкъ поглотитъ нѣкогда солнце, а другой волеъ луну, и всѣ звѣзды попадутъ на землѣ.

Чтобы уничтожить эти вѣрованія въ народѣ, христианская церковь употребила много усилий и въ VII вѣкѣ в Англіи въпоявлялось, чтобъ «никто не кричалъ, когда луна затмѣлась. Въ числѣ суевѣрныхъ объявлетъ тогдашней эпохи (въ 743 году) былъ обычай кричать вѣне Луна (побѣди луну). Вотъ любопытный разсказъ Рабана Мауруса, абата въ Фульдѣ, умершаго въ 856 году. «Сначала я сдѣлѣлъ споконно тѣла и обдумывалъ средства къ утвержденію вѣры, вдругъ въ началѣ нои услышалъ я въ народѣ званія криши. Я спросилъ, что это значить, и мнѣ отвѣднъ, что добрые люди хотятъ помочь большой луи. Я засмѣялся и увидѣлся, что люди хотятъ помочь помощи Богу, какъ будто онъ слабъ на зашити небесныхъ свѣтилъ и долженъ былъ поддерживать крикомъ людей. Поутру я разспрашивалъ гостей монастырскихъ: не видѣли ли они чего-нибудь, и они мнѣ разсказали ужаси. Они слышали, что одинъ готовился въ бою, а другіе подражали хрюканью свиней; другіе разсказывали, что стѣблнли въ луну и бросили въ нее огонь, чтобъ помочь ей противъ демоновъ. Наконецъ, третій лопнулъ у себя носъ и разблгалъ носомъ, чтобъ помочь луи въ этой бѣдѣ.

Подобное вѣрованіе не удивитъ никого, кто знакомъ съ тогдашними нравами, но замѣтательно, что мысли эти оставались въ своей силѣ до конца прошлаго столѣтія. Многие христіанские учителя твердили съ коадеръ, что затмѣніе солнца и

Замокъ въ Теплицѣ.

дупи не дѣлаетъ вреда ни людямъ, ни животнымъ, не имѣетъ оплодотворенія блѣдъ, а еще менѣе предвѣщаетъ каку-нибудь бѣду, болѣзнь, или войну.

А между тѣмъ, и въ наше столѣтіе (1851 годъ), люди въ окрестностяхъ Мюнхена зарыли въ свои колоды, чтобы слѣдъ паданія изъ воздуха въ это время, неотравили ихъ. Въ верхнемъ Пфальцѣ до сихъ поръ еще думаютъ, что если луна побѣдитъ солнце, то послѣднее исчезнетъ и наступитъ преслѣдствіе свѣта. Для этого всѣ съ любовью смотрятъ въ воду во время этой борьбы, а другіе вдуваютъ свѣсъ въ церковь и молельни. Наконецъ, многіе запрягаютъ, охраняютъ дѣтей, бросаютъ крупнымъ глѣбомъ въ огонь, бьютъ покаянъ по тазамъ и стараются искутить злого духа. Другіе думаютъ, что во время солнечныхъ затмѣній падаетъ съ неба роса въ видѣ дождя, отъ котораго вся растительность погибаетъ. Запрягаютъ даже скота на это время, и не оставляютъ бѣдъ, вышедшаго на улицы. И теперь сохранилась еще вѣчная поговорка: «это будетъ, правда, прежде, нежели вѣкъ съѣстъ солнце».

Въ Индіи существуетъ мысль, что большая змѣя съѣдаетъ солнце и луну во время затмѣній. Индусы вѣрятъ этому и до сихъ поръ. У китайцевъ сохранила та же мысль. У этого тоже говорится, что «солнце и луна будутъ вѣсегда съѣдены» и для этого производятъ заклинанія. Литовцы заставляютъ демоновъ вылазать на колесницу солнца, а одинъ англичанинъ рассказываетъ слѣдующее объ африканскихъ маврахъ: «Скогда солнечное затмѣніе достигнетъ высшей точки, на-

доу, приходитъ въ испуганіе, бѣгается по полямъ и стремится въ солнце, чтобы искутить чудовище, которое хотѣтъ поглотить его. На равнинахъ Триполи раздается похоронное гдѣніе дождю, и это продолжается во все время затмѣнія».

Въ книгѣ «О нравствъ дѣлахъ американцевъ» сказано, что перуанцы въ прошломъ столѣтіи считали помраченіе луны ея болѣзнью и опасались, что она умретъ, упадетъ на землю и подавитъ весь свѣтъ. А потому, когда подобно затмѣнію начиналось, они начинали трубить и бить въ барабаны, прививая свѣтъ, и заставляли ихъ плясать. Они бѣжали въ это время своихъ дѣтей и заставляли ихъ плясать, и кричать, молясь о томъ, чтобы луна не умерла. По величій затмѣнія, судия и о болѣзни луны, и какъ скоро оно начинало проходить, это считали спасеніемъ для всего свѣта.

Надѣмся, что вмѣстѣ съ учеными извѣстіями о свойствѣхъ послѣдняго солнечнаго затмѣнія, ученые экспедиціи сообщатъ намъ и какъ жаромъ, живущие на экваторѣ, встрѣтили это затмѣніе.

Замокъ въ Теплицѣ.

Теплицъ лежатъ въ живописной долигѣ Пилы, окруженной горами, изъ которыхъ струится живописные источники. Они принадлежатъ съ окрестными землями графамъ Клары, которые украсили городъ зданіями, устроили садъ для прогулки, уредили купальни, сло они употребляютъ съ пользою свое громадное состояніе.

Однако, замокъ въ Теплицѣ не отличается осо-

беннымъ великолѣпіемъ. Это просто большій домъ на площади, но въ историческомъ отношеніи онъ очень важенъ. Въ стѣнахъ этого замка заключенъ былъ священный союзъ между тремя монархами, и только одна Россія исполнила это его условія, за что ей заплачено было самое чистое благодарность. И отъ этого союза не осталось и слѣдствъ, хотя утверждалось тогда, что онъ будетъ существовать вѣчно, а старый теплицкій замокъ стоитъ въ томъ же видѣ, какъ былъ и до священнаго союза.

Въ одномъ флигелѣ замка, выходящемъ въ садъ, устроенъ небольшой театр, въ которомъ даются представленія для публики. Передъ замкомъ возмашается довольно вычурный фонтанъ; но замокъ садъ считается самымъ лучшимъ гуляемъ въ Теплицѣ. Тутъ собирается съ утра большіе и здоровые и гуляютъ подъ зрени преносходнаго оркестра. Тутъ можно найти представителей всѣхъ національностей въ Европѣ и есть даже образованнѣе друтихъ частей свѣта, такъ далеко распространилась слава о Теплицѣ и его горячихъ источникахъ.

Китайскіе талисманы.

Китайцы очень умный народъ, но въ то же время и очень суевѣрный. Въ каждомъ домѣ, начиная отъ двора до хижины, есть талисманы различныхъ выдовъ, предохраняющіе отъ разныхъ несчастій въ жизни: такъ это, счастливо сила ихъ была дѣйствительная, то вѣроятно можно было бы искать камнями счастливыми людьми въ мірѣ. Однако, если ихъ спросить о томъ, то, несмотря на свои талисманы, они сознаются, что еще многого неостаетъ для ихъ счастья.

У китайцевъ есть талисманы, охраняющіе отъ воровъ и злодѣи, отъ гдѣснаго наказанія и отъ раи; отъ домашнихъ раздоровъ и отъ животныхъ, пожирающихъ шелководныхъ червей. Есть талисманы для отпугиванія высшихъ должностей и выгона занятъ, такъ талисманы для успѣха въ торговлѣ или въ какомъ-нибудь предпріятіи.

Нѣкоторые изъ талисмановъ состоятъ изъ фигуръ, изображающихъ: сонмище большой медвѣдицы, гениа хорошей погоды, гениа дождя, зѣбана или какого-нибудь духа, но, болѣе часто, это надписи или начертанія, немѣняющаго никакого смысла и составляющія спорные узлы. Есть также цѣлые листы, которые вышиваются на дерѣвахъ, чтобы удержать злого духа. Маленькіе талисманы китайцы носятъ на себѣ и безъ ихъ не выходятъ изъ дома.

Наркатыи ведутъ дѣятельную торговлю этими талисманами, составляемыми кодунами, и на каждомъ изъ нихъ есть изображеніе созвѣздіа, которое придаетъ ему особую силу.

Озеро Тай въ Китаѣ.

Тай принадлежитъ къ величайшимъ озерамъ въ свѣтѣ. На немъ множество острововъ и дѣвъ горы, называемыя: Луи и Сю, то-есть, восточная и западная. Эти горы составляютъ самую живописную пейзажъ. Они возмашаются посреди воды, выходятъ много пещеръ, подводныхъ тоннелей, природный арысь и верте. Одна изъ пещеръ западной горы до того обширна, что еще не излѣзъ смѣльчакъ, который бы изслѣдовать ее и описать. Одинъ ученый, по имени Чжанъ, вѣдаса извучитъ большую пещеру и записалъ всѣмъ, что вую, цѣлые семь дней бродилъ по ней и не могъ достигнуть противоположнаго выхода, который долженъ быть на другой сторонѣ. Онъ написалъ на камнемъ столѣ три рукописи, сохранивъ, которыхъ нѣсколько только философовъ. Домъ Чжана сохранился и по нынѣ, какъ рѣдкость. Окрестные жители устраиваютъ прогулки на горы и везаютъ на самую верхушку ихъ, откуда видъ удивительный. Въ одномъ мѣстѣ гора образуетъ шадушу и изъ нея бьетъ серебряный водопадъ, освѣжающій путниковъ. Какъ ни близкается съ Китаемъ, но онъ все кажется баснословною страной и проидеть еще много времени, прежде чѣмъ европейцы привыкнутъ считать китайцевъ такими же людьми, какъ всѣ, а не фантазировавшими людьми, живущими въ забытыхъ углахъ, обывшихъ по колодезникамъ. Последняя война европейцевъ съ Китаемъ сблизила немного Небесную имперію съ бѣлыми нарварями, о которыхъ, вѣроятно, и китайцы имѣли много понагіе, покуда не удостоивались, что варвары сильнѣе ихъ.

1) Слѣдствіе Восточной-Медвѣдицы. 2) Три горныхъ владыки. 3) Фунъ-си. 4) Родъ дѣвицъ. 5) Зѣбана Восточной-Медвѣдицы.

Китайскіе талисманы.

Корреспонденция «Иллюстрированной Газеты».

Париж, 24-го августа.

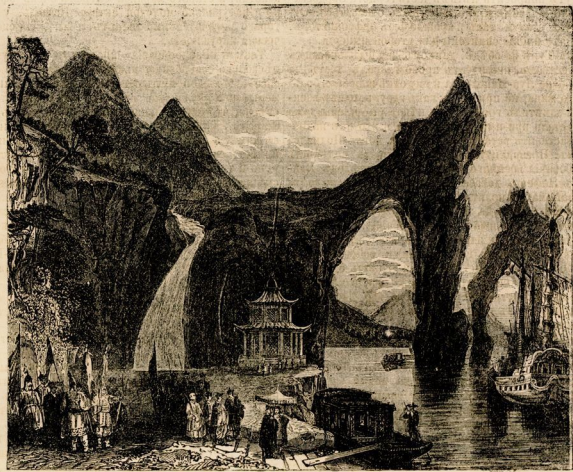
Горю! шпир! — Леги Париж. — Первый уполномоченный престолу. — День 15-го августа — Гонка за креслами. — Пожаровичи трагичны и сенаторы-харизмы. — Демонстрация в Лионе. — Пародь «Марьонетт». — Отец Марионетт не заперена. — Юнкер из Марселя. — Вспучившие оркестры в Гренобль. — Общ в Туре. — Професс печати. — Професс латинского квартала и Сорбон. — Выступил восточник. — Фанни Дарь на театре Гаваньи. — Маламе est comble.

Париж можно назвать городом фонарей, с тех пор, как Гейрик, Ронфор, ввел в моду этот инструмент Дюена. Вспорот, и самый острый памфлетист недумал дойти до такой славы, хотя знает, что его жесткая и рбкая выходы против правительственных лиц вызовут преследование суда. Само правительство помогло Ронфору сдаться популярным, испугавшимся насмешке и каламбуров «Фонаря», который скоро бы надолго парализовал, потому что Ронфор не Альфонс Карр, и у него не достало бы таланта и остроты поддержать не только участь своего журнала. Теперь онг чуть не герой, мученик за свободу. Онг пронавел почти бег в Сорбон; студенты, вместе революционных криков, пугают по ночам возгласами: да здравствует Ронфор, да здравствует «Фонарь!» Мальчишки ходят по улицам с фонарями, на которых нарисован портрет Ронфора, вешают продают брелок в виде фонаря, дамы вдыхают фанни в уши вместо сережек, даже блудницы несут впроги и бугли в виде фонарей и беруть за палец дорожку чужа за други, словом, фонарь большой моды, только вредн ли от этого светитве во Франции.

Всё эти демонстрации, покада еще неясная для правительства, доказывают, что Франция не очень довольна своими правителями, что она назначившего строго судить ихх действия и требовать отчета из денегх и крови французев. Невольно, до чего доведут эти волнения, но они заметны несудь и неудовольствие проявляется даже в армии, которую, случается, безбедности и предбуть война, тогда как народ хочет мира. Небю много умных, ловкости и даже генеральство, много угодить во Франции всевъ состояний и всевъ партиях, а Луи-Наполеон уже стар, и бунует, поднимается кликуша клерикалов и домыслит только об одном, что упорчить свою династию, передать престол сыну, который уже слышан в Сорбон светств и шуму и имбеть понятие о том, каковыя народомъ придется ему, может быть, управлять. Заменятельно, что отогг четвертьцарствительный мальчишк перенес брва хладнокровно, тогда как ученые, профессора, министры и даже маршалы Франции растерзаны, засуетены и не знают, какъ умирить волнение дтвой, нехотивших брать награду изъ руки министра, преследующаго свободу.

В день именин Наполеона, 15-го августа, едва ли большимъ демонстраций; но они парадна на канувъ в Париж, сдѣлавъ смотръ национальной гвардии, не отягивая ни одного изъ обычныхъ увеселений народа и день прошлго покойно. Даровые спектакли были полны самымъ внимательнымъ присутствиемъ и шумъ даже не начинался шума. Правда, въ этотъ день не пѣлись на сценѣ коматы въ честь именинина и не читались похвальные стихи и почти не было и поводовъ въ демонстрацияхъ. Вечеромъ приготовления были великодушныя иллюминации и фейерверки и тутъ, при громадномъ стечении народа можно было ожидать, что молодежь устроитъ казую — нибудь ловушку для правительства, чтобы пошумѣть въ честь «Фонаря» и Ронфора, но, къ счастью, пошелъ дождь, чего почти ни когда не было по наполеоновскимъ праздникамъ, и разогналь всю публику. Въ Парижѣ дождь имбеть большое влияние на уличная события и демонстрация, и даже заговоры не удаются въ дурную погоду.

Гонка за почетнымъ легиономъ, была такая же жаркая и въ нынѣшнемъ году, несмотря на недовольное настроение публики. Архиепископъ парижскій получилъ высшую степень ордена, какъ утѣшение за то, что нап не хочетъ дать ему кардинальской шапки. Въ числѣ пожалованныхъ стоятъ князь Эмилъ Огюст, проигравъ которого не возмещаетъ общественомилости, и князь Вильямъ, сокрушавшій республикановъ. Эта послѣдняя милость удивила даже тѣхъ, кто гробуток во всемъ свободы и уравнианъ правъ. Но отчего трагичнейше имбеть ордена, какъ генералу? Развѣ мы давали орденовъ за то, что убивали людей, почему же не награждать тѣхъ,

Отец Таи, въ Китаѣ.

то ихъ горюитъ? Притомъ, Вильямъ, напичканный огромное количество спонжъ, рестораторъ, купилъ большое имение, обработалъ его, оказалъ много услугъ земледѣльцъ, далъ работу племю оругу и обогатилъ его. Это значительные помыслы, въ которой лется кровь невинныхъ и дощъ которыхъ остается безъ куса хлѣба дымокъ и сигоры. Ротъ неизвестно, для чего доктора Нелатон сдѣлалъ сенаторомъ. Знаменитый хирургъ оказалъ много услугъ науцѣ, спасъ многихъ страдающихъ и въ немъ образовался для цѣлителей Гарибольди и императорскій принципъ, не говоря уже о многоисчисленной практикѣ, которая вѣритъ только въ него. Что же будетъ съ большими, въ то время, какъ Нелатонъ будетъ засѣдать въ сенатѣ и слушать рчи кардиналовъ и генераловъ? И что за дѣло доктору до политики! Во Франции можно найти сотни людей, способныхъ быть сенаторами, т. е. ничего не дѣлать, но ить и десятки такихъ ученыхъ, какъ Нелатонъ. Стадо, бытъ напрасно оторвали его отъ поведеннаго дѣла и засадили въ собрание, гдѣ онъ лишпшй. Развѣ только, если съ какою-нибудь сенаторомъ случится ударъ, то Нелатонъ, обрѣвевъ свой величій мудрость, вынетъ операционный ножъ и начнетъ рѣзать своего оператора.

Если въ Парижѣ не было революционныхъ демонстрацій 15-го августа, то въ провинцияхъ ихъ было довольно. Лионскій листокъ «La Marionette» помѣстилъ статью, умнѣе и острѣе дѣлать книжка «Фонаря» и называлъ ее: «Пародь 15-го августа на площади Бельгьеръ».

«Тема погуртъ вѣщанъ украшенъ флагами и коврами, въ областяхъ и на балконахъ множество любопытныхъ, на тротуарахъ и въ улицахъ тол-

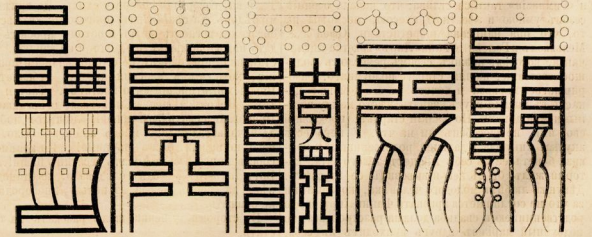
пшета народа, а середина площади пуста, только Голландъ (народный типъ южной Франціи въ родѣ Голландца) стоитъ по срединѣ со своею шапкою, да возлѣ него Шансо и изобрѣтатель митральевъ. Что это за страннй народъ! Что за мистификаціи! Пародь уже началъ сердиться, что не увидѣтъ ни одного солдата, какъ вдругъ Ганьоль закричалъ:

— Крымская армія!
И вдругъ изъ земли появилось множество солдатъ съ ружьями на плечахъ, съ штырями на черепѣ и они тѣло выстроились рядами. Дѣвѣтъ тысячъ солдатъ, напичканы похъ Севастополема, прошли, какъ тѣни, мимо Ганьольа и они вскричали опять:

— Итальянская армія!
И пѣтьдесятъ тысячъ скелетовъ промышленнаго ступа костями, за ними промаршировали тѣни, напичканы въ Мексикѣ, въ Римѣ, въ Кохинхинѣ и невидимая мушкетъ играва въ это время похоронный маршъ и de profundis.»

«Марьонетку», однако, не преслѣдовали за этотъ парадъ, а то и она прославилась бы такъ же, какъ «Фонарь».

Въ Марселѣ то же была 15-го августа шумная демонстрація. Народъ кричалъ: «да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ печатъ! Не надо войны!» Въ Греноблѣ, при открытіи статуи Наполеона I, пѣвцы Орфеона отказались пѣтъ кантату сочиненія Бельмонте и когда управление города начало настаивать, они предъявили призывъ правительства, чтобъ общества земледѣльческой, ученичъ, музыкальной и другія не занимались политикомъ. Послѣ праздника въ честь Наполеона, ихъ

1) Таисамакъ для прѣдварительной отъ порокъ и слѣдуетъ. 2) Таисамакъ, прѣдварительный отъ чужбныхъ напачиванъ и отбавки. 3) Таисамакъ, прѣдварительный отъ чужбныхъ напачиванъ и отбавки. 4) Таисамакъ для отбавки высшей должности какъ изобрѣтательшаванъ. 5) Таисамакъ для отбавки въ орденахъ какъ изобрѣтательшаванъ.

Китайскія таисаманы.

могут попросить идти в честь герцога Бурбонского или Малюана и они не съедят откатов. Открытие статуи так и прошло без оркестров. Все это плохие симптомы для второй империи.

В Туре на обфиде, данном земледельческим обществом, президент провозгласил тость за здоровье Луи-Наполеона и ему отчалили বেশ большой жар, но прилично; как вдруг, один военный замблль громко, что ибороте члену даже не встали при имени императора и их надо по заставить встать или вывести войну. Подознал шумъ. Президент начал доказывать неглзность требования военного члена. Земледельцы Викторъ Лефервь доказвал, что земледельцы не должны забывать политическую и хозяйственную жизнь призывая бить: «за здравствуй земледельца!» Все повторили эти слова и многие прибавили: «За здравствуй нации! за здравствуй свобода!» Военный член удалился в негодования и собрание распозло. Но Викторъ Лефервь и его зять были агрономы, что еще более раздражало публику. Правда, их отпустили через несколько часов, но раздражение въ городъ сильно и все спрашивают друг друга:

— Какимъ закономъ запрещено кричать: «за здравствуй нация, да здравствуй свобода!»

Хороша свобода, когда нельзя ни говорить, ни писать во Франции, несмотря на новый законъ о печати, позволяющий каждому французу издавать журналы, брошюры, и особенно агрономическую, много удивительно много, кроме «Фонаря», и между ними много большой успехъ «Колоколь», «Галль», «Фузур»; за то надо ними писать какъ мекъ. Дамоклеса: сообщенна, запреще нн, огромные штрафы, тюрьма.

Суды только и заняты, что процессами журналовъ. Ронифор осужденъ вторично на годовое заключение въ тюрьму и на десять тысячъ франковъ штрафа, «Фигаро» запрещено продавать по улицамъ. Если журналъ не имбеть процесса съ правительствомъ, то затрогиваютъ какую-нибудь личность и та вынуждаетъ редактора на дуть или просто битьею побоевъ его, какъ Ронифоръ прибавилъ редактору Ронета или лейтенантъ Делье Гранье въ Кассанья и изъ этого возникаютъ новые процессы все по поводу бжета печатного слова, которое для однихъ кажется слишкомъ свободнымъ, а для другихъ лишено всякой свободы. Процессъ студентовъ, шумившихъ въ латинскомъ квартале и недавнихъ спать жителямъ, окончился выговоромъ крикунамъ; шумъ въ Сорбоннбостарелся замать, чтобъ не дбать изъ него никакого события. Встретивши Паризка и то выдающуюся сама неслухомъ войну, чтобъ успеть волнине умомъ. Слухи о войнб, разумеется, производятъ большое возмущение и такъ какъ, по политическому, Франция идетъ на поводу, начавъ войну, то наплывъ моды, удивляюще, что Луи-Наполеонъ сильно оскорбленъ поведениемъ английской королевы, неодавденъ визита Евгении и написалъ письмо Серенины о своемъ намеренн объявить войну Англии. Другие кричатъ, что муниципальное управление Паризка опозорило себя рбшениемъ поставить статую императорского прихода. Но все забываетъ, что по уверению всезабытыхъ людей, соборная церковь Notre Dame будеть сломана и срыта, потому что ее именуютъ названъ роуго. Это находятъ вбратнымъ посылъ подлинное пензури, которая запрещаетъ драму Гюго и перья, дабъ устраивать пия Орлеан, хотя это иже не историческое.

Театры открываются посылъ лбтнихъ ваннушекъ и «Гимназия такъ счастлива, что начала осенний сезонъ умно и эффектно неспомо, несмотря на то, что она напущена либреттистами Оффенбаха, Мельякомъ и Галевн. «Фанни Лиръ» кокетка англичанка, которая, наравнъ своимъ ремесломъ болное состояние, наша старга полюбому, разорившагося маркиза и хочетъ съ его помощью попать въ высшнй кругъ, зная мбсто между честными женщинами. Но жалей старикъ, продавший свое имя, не способней ни на что. У него есть женщина, живущая у дальней родственницы, и маркиза съестъ ее въ себя и иже далеко здетъ, поэтому жалей бы съ нею и выполое съ ее свбтъ. Идущая любить молодого человека, который ни за что не соглашается признать Фанни Лиръ своею родственницею и свадьба должна разстроиться, но полюбому маркизь идучу приходитъ къ себб, отдастъ вичуеу ее жену, а сама остается прикованной къ своей повелительницб. Актриса Паса оказалась преходящю въ роль английской

кокетки, а старого маркиза сыграли очень эффектно и натурально молодой актеръ Жолюв, у которого замбчательный талантъ и выгодная сценическая наружность.

Театръ «Газнообразна» поставилъ забавную и несколько слабенькую пьеску: «Madame est couchée». Молодой мужъ хочетъ пройти въ комнату жены, но хорошенькая субретка не пускаетъ его, убрывая, что барыня спитъ, тогда какъ она въ маскарбдб. Мужъ приглашаетъ горничную укажить съ нимъ, а въ это время возвращается жена и за нимъ ее мбсто. Пьеса написана живо и остроумно и тутъ роль режисера лаека, который сбиваетъ до слезъ. «Les chambres des bonnes» и «Le Lis dans la vallee» тоже, также, какъ «Le Monde de la riviere» и «Eclaircie», которые даются до начала спектакля. Въ Бюдрепъ обшачаютъ комедии Сарду, Дома-сына и три оперетты Оффенбаха. После этого парижанамъ можно забыть «Рюи-Влаза», «Фонарь» Ронифора и все неудовольствия на правительство.

ИЗЪ МЕНЕЖИПСКА.

(Окончанье).

Рбчь повелъ забайки крестьянннхъ собственннхъ.

— Сердитесь, ваше почтение, не за что: нашего брата не научи, такъ мы все свое. Боть хотъ бы дажно дбать съ крестьянско, оставилъ нашъ батрничать намъ на 300 дуннъ. Боть 7,000 десятинъ земли, и заплать все эту землю намъ въ собственность, съ тбмъ, чтобы мы заплатили за него 40,000 руб. сер. Настбдникъ, дуперникация заложилъ землю въ советъ, расплатился съ долгами да и объявилъ намъ: платите долгу на банковыхъ правилахъ, въ тридцать лбтъ всего придетъ по треношнй съ небольшимъ съ рила. За шестнадцать десятинъ на душу, какъ бы не платили? Сосбдямъ нашимъ дали полннй надбтъ: по загону въ полъ вперю вождъ вдоль, да поперекъ поле. Надбтъ законный по 4¹/₂ десятины на душу, а въ напл.бтъ: у горы, и волы, и гузна, и огорода, и въ остаткб и выходятъ наши, не дбнны, да по полдню две копытки. Денги рубиковъ плати! Не хватить — корову со двора. Какъ бы, важнее не платитъ по треношнй? Нбтъ. Скодь, побольше, ходоковъ въ Москву... Ходилъ, ходилъ, да что въ два-то года проходили, за три бы заплатили въ советъ. А настбдникъ, тбмъ временемъ, съ законными правами хлопъ установилъ! да присоинилъ: надбтъ крестьянъ безземельно среднимъ надбтъ по 2¹/₂, а остальную отдадъ имъ же на аренду по рублю ассенициямъ за десятину. Подписывайте ребята! Не подписали. Услалъ въ губернскую, а въ губернскую вбрно кто-нибудь изъ нашего брата сидеть въ престблннй силъ — онъ въ напу польду: «не тронуть, тронуть, а что пойдеть, 19-ю не подходить!» нбтъ, говорятъ, сами они платятъ вичуеу, а настбдникамъ дла нбтъ... Объявили намъ черезъ полицню. Платите ребята. Не хотимъ! Приставилъ ошекуна. Ошекалъ насъ два года и дошелъ: собранъ денги въ два, а отослалъ въ январь; почталъ за годъ процентовъ наббжалю; да слишкомъ по рублю серебра съ рила лишу собралъ, а землю, всетаки, опашивать хотбтъ... Кинулись мы къ чбловбчку: такъ и такъ, моль: денги собралъ, а землю, всетаки, опашивать хотбтъ. — За что? спрашиваютъ. — «Да нбтъ-де единошнны: одинъ говоритъ плати, другой ббать сидеть въ престблннй силъ, кричатъ же чухъ? — Нбтъ, моль, не многие; одинъ изъ роднб, охота на мучену нею въ холонъ нбтъ». Такъ мы, говорятъ, собираете скодь, да прижете мнрбвбвъ, да поставите приговоръ: что всб-де обязуемъ погаситъ долгъ и потому просимъ выдать намъ раскладу на долгъ и на землю». Постановили приговоръ, но его приказалъ въ правленню, хотъ мы и просили послать губернатору. Впрочемъ, отписали его платять. Такъ и платимъ. Недоима, правда, не легкая, да погашаемъ. Пробовали исать возвращенна лишного побора, да начальства болно много по онебъ бою, ничего не нашли. Боть съ, ними!.. Но крайности съостривши, сами себе, дескать, наплн!.. Да боть такъ-то бы и намъ сббдало: по иднн мнрбвбвъ, да своего города въ пользу погородннхъ не обжакъ.

Въ сторожб, у шени, полъ расклазъ на ту же ставъ.

— Бхали мы черезъ барское око, недалеко отелъ, тбтъ везли на доски. Грязница страшная. Сверху мочило. Неволя тануса была, къ сроду! а въ

опадуку пово холаннъ собани не вышнотъ со двора. На улицб пусто. Только въ конбх, у старосты дома, гадимъ, сгружена ступина, пина тоща. Народъ собранъ. Рбвъ, стоиъ-стономъ стоить. Чвоа, моль, это ребята? Гадимъ, выходятъ со двора барб — становой и помнчикъ. «Ну, ребята! говоритъ становой, — начальство велбю, а должеъ продавать вашъ скотъ за неплатье обрбковъ. Уважнте! Ваше мбсто господина, а не: оно дбю почитать; у меня дбти; за послаббле самому достанется.» Народъ палъ на колбни. «Барынъ, батюшка, солонннхъ ты наше граеное доказлн нашихъ малыхъ дшутежъ! Голубъ, хлбба вбту-ту, умреть ббтъ скотинн! — Стоиъ придетъ зима, съезъ старую пубу въ городъ на двора-заплать обрбковъ» завоуеетъ одинъ мужикъ. «И мы, и мы!» подхватили другие. «А если послбдннй паробхъ въ Казань вбдетъ... Начинайте, г. становой!» сказалъ барынъ. Врзуть колоколынн!.. Стоя ребята! Кто дбеть? Петръ Иваннч. Внереи стобла буряя корова. Дбвочка сбдла на бревенцбхъ у заплота и держала ее за лячку. Ребенку у нее сбдла на волыкахъ... Отецъ-то, види, одолевъ — жена родила умерла. Началъ: шесть рублей! кто больше? Все молчали. Вышла дбвочка-нница, да сказала дшутежъ: ведь домой отецъ выдворбветъ, отдастъ. А дбвочка полагала, что дбвочка-нница хотбла корову взять, какъ вышло: гадать надо, любъ завлеклись, руки какъ плечи опустались; а зата вынудитъ одинъ мужикъ, середн стобла. Застонала толпа. Въ эту самую пору Петръ Иваннчъ ко двору!.. — Что такое, братнъ? — Скудннхъ, за обрбки погннны!.. Много-ли, господнн становой, обрбковъ? Столько-то... Иавольте, а плачу; а вы, ребятацн, отдадите хлббкомъ, когда урбжакъ будетъ. Даромъ дать не могу — дбю неогорате.

— Спасите! кормилецъ! заволила толпа... Руки, ноги дбвочку кину... Мужики мы — грубый народъ, а не стерпимъ, просвбленись... леца грбха такъ!..

— У васъ, братъ, намолса одинъ, а у насъ дбюе общество хочеть всбхъ научитъ всъ умра-рбкъ!

Въ разговоръ вбмалось новое слово.

— Полно ты врать-то, тумесма! Каюе дбю на насъ инородннхъ мбтъ? Пшанеи они хотбни! Да еси и точно желали вести горъ, такъ не за горб, а изъ горб, потому что въ прошлые годн ихъ начальство тбснолю: бмало за паспортъ горбодннхъ по глбдямъ вично, да чухъ найдеть къ чему придраться и таскають вичуеу по судамъ; то не такъ, другое незаконно! Послб дбвочка кинуи: привезутъ въ декабръ прошлогдого паспортъ, и чортъ съ ними, — прямо въ полицню; а въ январь ббтъ приплать поше, онъ изъ укъ не отдадутъ. Пошлетъ приказку Менса въ свбтъ. Охотъ алтынн собирать, а тамъ ему и покажутъ плнн! Тамъ, знаю дбю, не на одного нападуть, соберутся въ кучку, да и заглядуть: мы что? говорить, обжакъ, торговлю сбнвать? Сейчасъ, говорятъ, соберемъ губернатору нарочного, или къ министру естафету... И пойдетъ, не солоно хлббать! Нншъ, братъ, народъ не тотъ, — на еривой кобылб не оббдемъ!.. А что до настоящего времени, то инородные вовсе и хлопотать бросили. Я самъ говорилъ съ лучшими людьми: правду сказать, разумбйе нашего: лучше бы, говорятъ они, госудни соинили въ поубоиде мбсто собору, да не дразнили начальство, упрямннхъ, что и плащбтъ отпять. Пошлетъ приказку Менса въ свбтъ, кварталь и зтоиъ неслышнн! Купннй домъ, который, того и того, иуднн, рушнн! Тутъ била бы и вода, и красота, и сторона поуденная, и лучшая часть города открыта съ юга; да устроилъ гостиница и посталае двори, и вичуеу временна помбщенна; торгующнхъ на возахъ провозжатъ вичиз, не тбснеть уднцъ. Коренные старожилы остались бы необжнанными; расхбдъ вознаградилъ бы въ 2—3 года; прихбдъ бы возрбсъ; удобнть мбсто, ямарка бы и стала чухъ тбтъ макарьевскан!.. Макарьевская, замбчатъ люди, унадесть: пароконна и пароконна сообщенна возбавляють отъ негодности; пассажиры стобла поуднн; хлббеть: Спидъ-машнна, стбтъ, Катан! — Все зто шеть: спидъ провоненна мбтъ... Хдбсь непочотый край, явнъ толпоу начннется, а вы и ту уморити хотите. Даже хлб нашему брату кучку доведеть въ болотной грязи заваривать!.. Али платитъ по рублю за ведро, али водворбвотъ, изъ полъ съ канной, проинети тбсать на сорбъ, на бездолье-то. Вбмбто того, что въ городъ у води

† Одиэ из самых старых сотрудников в Journal des Débats Ваттэ, из Парижа. Жак Франсуа Барберэ родился в Париже в 1786 году и окончил образование в коллегии Сент-Барбэ, поступил на службу в сенскую префектуру и вышел в отставку в 1848 г. Онъ былъ сотрудником «Gazette de France», «Journal de Paris», «Constitutionnel», потомъ началъ издавать, вмѣстѣ съ сент-амбонъ Барнаи, «Mémoires sur la Révolution française», состоялъ издатель «Bibliothèque des mémoires relatifs au XVIII siècle». Онъ издавалъ также «Завѣси г-жи Кампанъ», «Завѣси графа Ломени», написалъ «Tableau de genre et d'histoire, la Cour et la ville sous Louis XIV, Louis XV et Louis XVI» и пр. Съ 1833 года Барберэ былъ литературнымъ сотрудникомъ «Journal des Débats».

† Въ Столбовой графъ Оттонъ Мейереръ, который можетъ почитать основателемъ вѣстной шведской драгошны. Послѣ смерти Карла-Августа онъ первый преподавалъ шведскій языкъ маршалу Бернадоту и не думавшему хлопотать о королевской драгошнѣ Карлу-Мейереру было 28 лѣтъ и онъ исполнилъ всѣя должности въ арміи и администраціи.

† Известная драматическая писательница и артистка Шарлотъ Вирх-Шевьеръ, она родилась въ Штутгартѣ въ 1800 г. и принадлежала лѣтъ дебютировала на Мюнхенскомъ театрѣ. Актриса Чухаринъ завладевъ ея уроки и въ несколько лѣтъ она сдѣлалась любимцею публики и двора. Она предприняла артистическое путешествие по Германіи, играла съ успѣхомъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ. Двадцать лѣтъ Шарлотъ Шевьеръ имала замужъ за доктора Христиана Вирха и продолжала съ нимъ путешествовать. Въ 1837 году г-жа Вирх-Шевьеръ была директрисою Норрхуского-театра, въ которомъ хотѣла сдѣлать академію для образованія драматическихъ артистовъ, но въ 1843 г. оставила Норрхусъ и играла въ Берлинѣ. Она рѣдко выходила на сцену и то въ своихъ собственныхъ пьесахъ, въ ролихъ старухъ, которая играла превосходно. Была писательница, она можетъ сравниться съ Шриблеръ, такъ она работала скоро, хорошо знала сцену, такъ она публиковала огромное количество пьесъ, которая играютъ на всѣхъ театрахъ Германіи. Главная изъ нихъ: «Die Gästlinge», «Dorf und Stadt», «Schloss Greifenstein», «Der Liebesstreit», «Stiefen Langer», «Die Familie» и пр. Она писала много изъ оперъ «Sainte Clémence», написанной принцемъ саксонскимъ и игранный въ Парижѣ въ 1856 г. Она пробовала также писать романы: «Der Rubin», «Erzählungen», «Burten-Castle», но драматически съ произведеніями гораздо выше.

† Въ Остербекъ, голландскій поэтъ и романистъ, родился въ Амстердамѣ и получилъ блестящее образование, поступилъ въ адвокаты, гдѣ заслужилъ репутацию этого званія и добросовѣстнаго человека и, не оставая этого званія, занялся литературою. Его романы имѣли такой успѣхъ, что его прозвали голландскимъ Вальтеръ-Скоттомъ. Онъ написалъ «Het doer aan die Grooten» (вранья на границѣ), «Onze voorouders» наши предки, «Vreda-De-van» и др. Онъ зналъ хорошо англійскій языкъ, переводилъ Шекспира, Теннисона. Ван-Донелъ написалъ также «Historie Hollanden», несколько комедій, драмъ и стихотвореній «Nationalelzen legenden».

† Въ Кривой Курскъ Гельветскій, 86 лѣтъ, Несторъ польскихъ писателей.

— Пятнадцатъ рублей за такое платье! Сутьи вонюще съ бѣлыми ермекъ.
— Да въдь это модъ-антисъ.
— Антисъ-то я вижу, да въдь я скажу наизусть, а не антисъ.

ПОРТРЕТЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,

короткаго холста, перенесенные на водонепроницаемую ткань и вышитыя и расшитыя золотыми нитями прекрасными художниками, продаются, въ золотой рамѣ, украшенной императорскою короною, за чрезвычайно дешую цѣну 40 р., съ пересылкою 45 р.

въ магазинѣ **ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ А. ВАУМАНА,**

въ домѣ Голандской церкви, № 20-я, у Польскаго моста,

гдѣ выставленъ одинъ изъ такихъ портретовъ. Приглашаемъ почтеннѣйшую публику и гг. чиновниковъ, въ особенности, обратитъ вниманіе на это не легкое художественное произведеніе.

Довѣя указывающіе при заказѣ портретовъ. Точно такой же видѣны и заповѣди, которыми можемъ мы доставитъ портреты мѣсячными красками колѣскаго лака, если намъ будетъ выслана фотографическій портретъ или карточка его, или же только фотографія была снята и отпечатана.

Цѣна такихъ портретовъ, въ золоченой рамѣ, 50 р., съ пересылкою 55 р.; безъ рамы 40 р., съ пересылкою 45 р.

А. ВАУМАНЪ.

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

НА 1869-Й ГОДЪ.

Учредъ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО КАЛЕНДАРЯ на 1868 годъ, распространеннаго во всѣхъ образованныхъ семействахъ, побудилъ насъ еще болѣе улучшить третій годъ этого изданія, самого полнога изъ всѣхъ существующихъ календарей. Обратилъ особенное вниманіе на художественную часть, мы прилагали къ календарю два великоблѣнныхъ портрета Государя Императора и Государыни Императрицы, гравированные на стали (въ отдаленной продажѣ стоившіе 1 р. 50 к.), и четыре большіе картины, рисованныя для нашего изданія видными живописцами Тейхманъ. Между двумя портретами помѣщены въ календарѣ: портретъ московскаго митрополита, князя Суворова, обер-прокуратора Третьякова, покойнаго Соловьева, основателя румянцевскаго музея, академика Солова и др. До 30 другихъ новыхъ рисунковъ, не явившихся въ русскихъ изданіяхъ, помѣщены въ календарѣ, также какъ 12 вышивокъ въ каждую мѣсяцу, составленныхъ г. Бромскъ, галла жемчужныя дорожки въ Россіи и пр., и пр.

Изданіе наше составляется не только попольнѣйшій календарь, но и ежегодникъ, съ которымъ можно справиться поспешно, потому что онъ содержитъ въ себѣ, кромѣ общезнаменитыхъ свѣдѣній на будущій годъ, полныя свѣдѣнія свѣдѣнія за прошлый годъ и, сверхъ того, множество иллюстрацій.

Цѣна этого календаря доступна для всѣхъ:
 Въ Петербургѣ и Москвѣ брошюванный 1 р. 50 к., въ англійск. налѣтъ 1 р. 80 к., въ роскошн. перел. 2 р. 70 к.
 Для иностраннѣхъ 1 р. 75 к., » 2 10 к., » 3 р.

Гг. книготорговцамъ дѣлается уступка, соразмѣрная ихъ требованіямъ. Объявленія принимаются по 1 коп. за букву мелкаго шрифта.

Лица, выписывающіе календарь и желающіе имѣть болѣе двухъ портретовъ Государя и Императрицы, платятъ за каждый (кромѣ перваго) по 25 коп. за экземпляръ.

Такъ какъ печатаніе портретовъ на стали требуетъ продолжительнаго времени, то подвѣсна на календарѣ отпечатаны также **современнаго**. Адресуется въ контору А. О. Ваумана, на Васковскій проспектъ, домъ Голандской церкви, № 20.